

В

"Старообрядец", 1906 г.

**Протоколы частнаго собранія старообрядцевъ послѣ
VI Всероссійскаго съѣзда старообрядцевъ 2—5
августа 1905 г. въ Н.-Новгородѣ *).**

Шестому всероссійскому съѣзду старообрядцевъ

Отъ нижеподписавшихся членовъ
упомянутаго съѣзда

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Въ программѣ засѣданій VI-го Всероссійскаго съѣзда, разосланной совѣтъмъ попечительства старообрядческимъ обществамъ, былъ намѣченъ къ разсмотрѣнію вопросъ о положеніи старообрядчества въ связи съ указомъ 17-го апрѣля и общимъ современнымъ положеніемъ; но предсѣдатель совѣта попечительства предъ открытиемъ VI-го съѣзда этотъ вопросъ снялъ съ очереди по независящимъ обстоятельствамъ. Между тѣмъ старообрядческія общества прислали своихъ уполномоченныхъ на съѣздъ несомнѣнно для рѣшенія и этого означенаго въ программѣ вопроса, и некоторые члены съѣзда желаютъ высказаться и по этому вопросу; — поэтому мы, нижеподписавшіеся, предлагаемъ всѣмъ членамъ съѣзда, желающимъ высказаться по назначенному въ программѣ обѣ указѣ 17-го апрѣля вопросу, собраться для этого на частное собраніе. Слѣдуютъ подпіси.

*) На VI Всероссійскомъ старообрядческомъ съѣздѣ, состоявшемся 2—5 августа въ Н.-Новгородѣ, предсѣдатель совѣта съѣздовъ Д. В. Сироткинъ снялъ съ очереди кардинальный вопросъ программы, разосланной всѣмъ старообрядческимъ обществамъ, „о положеніи старообрядчества въ связи съ указомъ 17 апрѣля и общимъ современнымъ положеніемъ“, ссылаясь на требование г. Нижегородского губернатора. Тѣмъ не менѣе этотъ важный вопросъ не остался совсѣмъ безъ разсмотрѣнія. Было устроено частное собраніе 6—10 августа, протоколы засѣданій котораго, и помѣщены здѣсь. Своевременно протоколы не могли быть напечатаны по независящимъ обстоятельствамъ, даже газетную корреспонденцію о собраніи не могло своевременно помѣстить ни одно изданіе. Теперь же они печатаются какъ исторические документы.

Ред.

Программа частного собрания членовъ VI всероссійскаго съезда старообрядцевъ въ Н.-Нсвгородѣ.

- 1) Вопросъ о недопущеніи предсѣдателемъ совѣта съезда обсужденія указа 17 апрѣля по программѣ, разосланной совѣтомъ съезда.
 - 2) Существующій государственный строй (самодержавіе) обеспечиваетъ ли на будущее время права старообрядцевъ, данные 17 апрѣля.
 - 3) Существующій государственный строй соответствуетъ ли интересамъ и благосостоянію народа?
 - 4) Нужно ли народное представительство для сохраненія правъ вѣротерпимости и народнаго благосостоянія?
 - 5) Народное представительство рѣшающій или совѣщательный должно иметь голосъ?
 - 6) Какая должна быть система выборовъ народныхъ представителей?
-

Протоколъ частного собрания членовъ VI Всероссійскаго съезда старообрядцевъ.

1 засѣданіе 6 августа 1905 года.

Вслѣдствіе недопущенія г. предсѣдателемъ, по независящимъ обстоятельствамъ, обсуждать на съездѣ вопросъ о положеніи старообрядчества въ связи съ указомъ 17 апрѣля и общимъ современнымъ положеніемъ Россіи, некоторыми членами было предложено собраться на частное засѣданіе и обсудить этотъ вопросъ.

Собравшись 6 августа 1905 г., частное собраніе избрало изъ своей среды предсѣдателемъ В. Е. Мельникова.

В. Е. Мельниковъ, занявъ мѣсто предсѣдателя, предложилъ собранію избрать, для составленія отчетовъ засѣданія, секретарей.

Избраны И. К. Перетрухинъ и А. Г. Спичаковъ.

По избраніи секретарей предсѣдатель объявилъ засѣданіе открытымъ. Предсѣдателемъ была прочитана программа засѣданія. Сдѣлавъ въ ней некоторые поправки, собраніе постановило обсуждать намѣченные въ ней вопросы.

Предсѣдателемъ былъ предложенъ на обсужденіе I пунктъ программы, который гласить: „Вопросъ о недопущеніи предсѣдателемъ съезда обсужденія указа 17 апрѣля по программѣ, разосланной совѣтомъ почетительства“. Вопросъ вызвалъ горячія пренія. Большинствомъ голосовъ рѣшено не дѣлать никакого постановленія по этому вопросу. Затѣмъ предсѣдателемъ было предложено разобрать по пунктамъ указъ 17 апрѣля. Предложеніе принято.

По обмѣнѣ мыслей собраніе пришло относительно указа 17 апрѣля къ слѣдующимъ выводамъ:

I пунктъ признаетъ, что отпаденіе отъ господствующей церкви лицъ всякаго возраста закономъ не преслѣдуется, но если лицо, отпавшее отъ вѣдомства православнаго исповѣданія, не достигло совершеннолѣтія, то оно официально перечисляется въ избранное имъ исповѣданіе только по достижениіи гражданскаго совершеннолѣтія.

II пунктъ. 1 половина пункта ясно устанавливаетъ, что при переходѣ одного изъ супруговъ одной христіанской религіи въ другую, всѣ несовершеннолѣтнія дѣти остаются въ прежнемъ исповѣданіи. 2 половина пункта темна, именно: при переходѣ обоихъ супруговъ въ иное исповѣданіе, дѣти достигшія 14 лѣтняго возраста обязательно ли остаются въ прежней вѣрѣ или же свободны въ избраніи религіи?

Пункты III, IV, V, VI и VII ясны.

VIII пунктъ предусматриваетъ разрѣшеніе постройки старообрядческихъ молитвенныхъ храмовъ на одинаковыхъ правахъ съ инославными вѣроисповѣданіями.

IX пунктъ а) предоставляетъ общинѣ право избирать изъ своей среды исправителя духовныхъ требъ б) подъ словомъ „настоятель“ разумѣются старообрядческие священнослужители в) требуется, чтобы „старообрядческие настоятели“ по избраніи обществомъ обязательно утверждались правительствомъ, въ противномъ случаѣ они не могутъ исполнять духовныя требы. Такъ разумѣло большинство; меньшинство же, въ лицѣ гг. И. Захарова, О. Мельникова, Я. Кушнова и Е. Валова, не видятъ, что законъ безусловно обязываетъ представлять старообрядческихъ настоятелей на утвержденіе правительству и г) явно противорѣчитъ сама себѣ, такъ какъ нельзя никоимъ образомъ обозначить положеніе „настоятелей“ среди старообрядческаго духовенства, не упоминая ни одного „православнаго іерархическаго наименованія“, т. е. словъ: епископъ, священникъ и діаконъ, съ какимъ бы то ни было опредѣленіемъ.

Г. Захаровъ просить занести въ протоколъ особое мнѣніе, что подъ словами: „старообрядческій епископъ“, „старообрядческій священникъ“ и „старообрядческій діаконъ“ нельзя разумѣть „православныхъ іерархическихъ наименованій“.

Послѣдняя часть IX пункта д) указываетъ, что въ паспортѣ въ графѣ, опредѣляющей родъ занятій, допускается обозначать различіе положенія настоятелей среди старообрядческаго духовенства.

X пунктъ въ I половинѣ предоставляетъ полную свободу въ богослуженіи въ храмѣ и иныхъ потребныхъ для этого случаяхъ. II половина разрѣшаетъ свободно исполнять въ облаченіи богослуженія, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть воспрещено закономъ надѣватъ облаченіе. Но таковое ограниченіе закономъ будетъ безмысленнымъ, такъ какъ ни одна духовная треба безъ облаченія не можетъ быть совершаема.

XI, XII и XIII пункты ясны.

По обсужденіи указа 17 апрѣля одинъ изъ членовъ засѣданія предлагаетъ собранію избрать изъ своей среды лицо, которое взяло бы на себя трудъ выразить открытымъ письмомъ въ мѣстныхъ газетахъ порицаніе миссіонерамъ государственной церкви за ихъ преслушаніе царской воли, выраженной въ указѣ 17 апрѣля. Въ пунктѣ 5 запрещается впредь упоминать слово „раскольникъ“, замѣнивъ его слово „старообрядецъ“; между тѣмъ миссіонеры до сего времени употребляютъ слово „раскольникъ“ даже публично, въ печати.

Собрание избрало для этой цѣли г. Зенина.

По обсужденіи указа 17 апрѣля предсѣдатель объявилъ засѣданіе закрытымъ.

Обшимъ собраніемъ рѣшено копію протокола сообщить совѣту попечительства, а протоколъ подписать предсѣдателю. Слѣдуютъ подписи.

Протоколъ частнаго собранія членовъ VI Всероссійскаго съезда старообрядцевъ въ Н.-Новгородѣ.

2 засѣданіе 7 авгуستа 1905 года.

Предсѣдателемъ избранъ г. Макаровъ.

Объявивъ засѣданіе открытымъ, предсѣдатель прочиталъ утвержденную въ первомъ засѣданіи программу частнаго собранія и предложилъ всѣмъ, кто не желаетъ принять участія въ обсужденіи поставленныхъ въ программѣ вопросовъ, оставить собраніе.

Далѣе предсѣдателемъ поставленъ на обсужденіе I пунктъ программы: „существующій государственный строй (самодержавный) обеспечиваетъ ли на будущее время права старообрядцевъ, данные указомъ 17 апрѣля?“ и предложено собранію высказаться по этому вопросу.

В. Е. Мельниковъ: Я прошу разрѣшенія высказаться по предложеному къ обсужденію вопросу. На вопросъ: существующій государственный строй Россіи обеспечиваетъ ли намъ права, данные указомъ 17 апрѣля, я отвѣчаю: нѣтъ, не обеспечиваетъ! Указомъ 17 апрѣля намъ даны хотя и не полныя права вѣротерпимости, но все-таки, можно согласиться, болѣе широкія въ сравненіи съ закономъ 3 мая 1883 года. До этого указа мы, старообрядцы, были на положеніи лишенныхъ правъ, но съ этого момента за нами признана не только религіозная свобода, но и гражданскія права. До указа 17 апрѣля намъ былъ рѣшительно закрытъ доступъ на всѣ государственные службы, мы не могли быть ни учителями, ни офицерами, хотя бы по образовательному цензу были и достойны этого. Существовали и такие циркуляры въ военномъ вѣдомствѣ, коими воспрещалось производить старообрядцевъ даже въ унтеръ-офицеры. Слѣдовательно указъ 17 апрѣля для насъ есть актъ чрезвычайной важности, актъ, положившій начало не только нашей религіозной, но и гражданской свободы. Однако, хотя указъ 17 апрѣля изданъ и Высочайшею властью, т. е. такою властью, выше которой у насъ въ Россіи нѣтъ, тѣмъ не менѣе это не должно дѣйствовать на насъ успокоительно. Мы не должны положить свое оружіе и сказать: „довольно, мы своего достигли“. Нѣтъ намъ теперь предстоитъ еще болѣе трудная задача, задача—сохранить, закрѣпить за собой Высочайше признанныя за нами права. Вотъ теперешняя наша задача. Чтобы болѣе сознательно проникнуться важностью этой задачи, намъ слѣдуетъ хотя кратко прослѣдить ту политику нашего самодержавнаго правительства, которую оно проявляло по отношенію къ намъ въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій. Кровавая исторія старообрядчества намъ наглядно показываетъ, что наше правительство не было послѣдовательно въ своихъ мѣропріятіяхъ по отношенію къ намъ старообрядцамъ. Одно время оно насъ страшно преслѣдовало, другое давало намъ такую свободу, которой мы и не ожидали, наконецъ вновь начинало насъ преслѣдовать. Вспомнимъ первые годы нашего протesta противъ никоновской реформы. Въ эти годы насъ жгли, живыхъ зарывали въ землю, намъ рѣзали языки, отрубали головы, однимъ словомъ—подвергали всѣмъ тѣмъ ужаснѣйшимъ и кровавымъ казнямъ, которыхъ господствовали въ тѣ времена. Вспомнимъ, далѣе, времена Екатерины II. Въ это царствованіе, когда понадобился приливъ свѣжихъ, молодыхъ силъ для заселенія и обрушенія далекихъ для того времени зволжскаго и Новороссійскаго края, старообрядцамъ, чтобы побудить ихъ возвратиться изъ Польши, разрѣшаютъ строить церкви, основывать монастыри, совершать церковное

богослужение публично, имѣть свою общественную собственность и даже присоединять отъ господствующей церкви священниковъ. Наконецъ, припомнимъ времена Николая I-го. Въ это царствование правительство снова воздвигаетъ на насъ преслѣдованіе. У насъ отбираются церкви, раззоряются монастыри, уничтожается общественная собственность, намъ воспрещается публичное богослуженіе, а о присоединеніи къ намъ священниковъ не можетъ быть и рѣчи. Такія рѣзкіе переходы нашего правительства отъ гоненія къ свободѣ и обратно свидѣтельствуютъ лишь одно, что какъ репрессія, такъ и религіозная свобода, объявляемая намъ Высочайшими указами, не вѣчны. Сегодня намъ дана свобода, а завтра она у насъ вновь можетъ быть отнята.

Предъ нами указъ 17 апрѣля, коимъ даны намъ иѣкоторыя льготы, но кто намъ поручится, что эти льготы черезъ какихъ-нибудь десять лѣтъ, а то и менѣе не будутъ отъ насъ вновь отобраны. Кто намъ поручится, что наши рогожскіе алтари, нынѣ открытые Высочайшею властью, чрезъ десять-двадцать лѣтъ вновь не будутъ запечатаны, а наша общественная собственность, которую мы приобрѣтемъ въ силу указа 17 апрѣля, не будетъ у насъ конфискована? Кто дастъ въ этомъ намъ поруку? Никто! Пока существуетъ самодержавно-бюрократический режимъ, пока наша страна прозябаетъ существующимъ государственнымъ строемъ, никто не дастъ намъ такой поруки. Напротивъ, зловѣщіе факты, совершившіеся уже послѣ указа 17 апрѣля, даютъ основаніе подозревать, что въ недалекомъ будущемъ льготы, данные намъ 17 апрѣля, будутъ упразднены, если только государственный строй останется теперешній. Царь открываетъ намъ алтари Рогожскихъ храмовъ для богослуженія, а самодержавное правительство отбираетъ отъ нашихъ попечителей подписку,—не допускать къ богослуженію въ нихъ нашихъ епископовъ. Царь говорить въ указѣ 17 апрѣля—отнынѣ не называть старообрядцевъ раскольниками, а представители миссионерства, тѣ представители, которые всегда укоряли старообрядцевъ въ неповиновеніи царской волѣ, печатно заявляютъ, что этотъ пунктъ указа для нихъ не обязателенъ. Царь приказываетъ уничтожить всякія ограниченія для доступа старообрядцевъ на государственные и общественные должности, а правительство заявляетъ, что если городской голова или сельскій староста будетъ старообрядецъ, то помощникъ его непремѣнно долженъ быть сынъ господствующей церкви. Господа! Мы искони были преданы царю, мы ежедневно возносили о немъ молитвы. Мы видимъ, что передніе ряды царскихъ враговъ и супостатовъ занимаетъ наше самодержавное правительство. Мы видимъ, что первыми слушниками, первыми противниками царской власти являются такъ называемые вѣрные Его слуги. Наѣль долгъ, наша священная обязанность стать на защиту попираемаго царскаго слова—это мы должны сдѣлать какъ въ интересахъ царской воли, такъ равно и въ интересахъ своихъ. Но какъ, какимъ образомъ этого достигнуть? вотъ вопросъ, который мы и должны обсудить на нашемъ собраніи. По моему мнѣнію, путь для достижениѳ этого намъ указанъ самимъ царемъ. Въ рескриптѣ на имя Мин. Вн. Дѣлъ царь говоритъ, что онъ рѣшилъ призвать для совѣта съ собой людей, облеченныхъ довѣріемъ народа. Въ силу этого царскаго слова у насъ въ Россіи учреждается Государственная Дума. Мы, старообрядцы, и должны сказать, что только при существованіи у насъ Государственной Думы съ рѣшающимъ голосомъ и возможно сохраненіе въ силѣ указа 17 апрѣля. Если же у насъ останется прежній государственный строй, то никто не помѣшаетъ льготы, данные намъ Николаемъ II-мъ, отнять у насъ ему же или Алексѣю II-му. Очень возможная вещь,

что общественная собственность, которую мы имъемъ пріобрѣсти на основаніи Высочайшаго указа 17 апрѣля, будетъ у насъ чрезъ нѣсколько времени конфискована правительствомъ. Я поэтому стою за упраздненіе нынѣ существующаго государственного строя.

Ф. Е. Мельниковъ: Въ подтверждение выводовъ предшествующаго оратора я также укажу на такие факты, которые свидѣтельствуютъ, что существующій нынѣ въ Россіи политический строй не обеспечиваетъ на будущее время сохраненія религіозныхъ льготъ, данныхъ старообрядцамъ указомъ 17 апрѣля. Уже послѣ этого указа въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полиція преслѣдовала старообрядцевъ. Такъ въ г. Боровскѣ (Калужской губ.), при провожденіи покойника на кладбище, полицейскій надзиратель запретилъ пѣвчимъ пѣть „Святый Боже“, а когда они, не смотря на запрещеніе, продолжали пѣть, полицейскій чиновникъ силою принудилъ ихъ прекратить пѣніе. Отсюда ясно, что полицейскій режимъ въ Россіи выше и сильнѣе всякихъ Высочайшихъ указовъ и повелѣній. Въ посадѣ Воронкѣ (Черниговской губ.) старообрядцы на основаніиaprѣльского указа поставили на свое молитвенномъ храмѣ крестъ. Но узнавъ объ этомъ, мѣстный миссионеръ о. Родіонцевъ возбудилъ полицію низложить этотъ крестъ. Явившись къ старообрядческому храму въ количествѣ 6 человѣкъ, полиція самовольно сняла крестъ. Но узнавши объ этомъ старообрядцы ударили въ набатъ и собрали громадную толпу, которая кулачной угрозой заставила полицію снова поставить крестъ на свое мѣсто. Вотъ эти факты блестяще доказываютъ, что существующій полицейско-бюрократический строй не обеспечиваетъ прочности указовъ и законовъ въ Россіи и правъ человѣка-христіанина и гражданина.

Предсѣдатель читаетъ свой докладъ о сущности и значеніи указа 17 апрѣля и объ отношеніи къ нему старообрядцевъ.

По прочтеніи доклада происходитъ обмѣнъ мнѣній.

Ф. Е. Мельниковъ: По поводу прочитанного доклада, я могу сдѣлать слѣдующія замѣчанія: во первыхъ, я не согласенъ съ тѣмъ, что не нужно посыпать старообрядческихъ депутатовъ въ особое совѣщеніе графа Игнатьева о вѣротерпимости. Нужно принять во вниманіе, что если мы сами иногда не можемъ сразу рѣшить, что намъ, собственно, нужно и полезно, и высказываемся иногда различно, то правительство, далеко стоящее отъ народа и старообрядчества въ частности, не можетъ знать, что намъ необходимо и что не нужно, какими бы благими намѣреніями оно ни было проникнуто. Намъ нужно стараться, чтобы наши уполномоченные непремѣнно попали въ особое совѣщеніе и выяснили нужды и желанія старообрядчества. Вамъ, г., несомнѣнно известно, что, до разрѣшенія вопроса о вѣротерпимости комитетомъ министровъ, были совѣщенія правительственныхъ лицъ съ старообрядческими представителями, и, какъ мы теперь видимъ, эти совѣщенія принесли намъ пользу. Такую же пользу могутъ принести намъ и предполагаемые совѣщенія нашихъ уполномоченныхъ съ правительствомъ по вопросу о правахъ старообрядчества. Если же мы не пошлемъ своихъ уполномоченныхъ въ особое совѣщеніе графа Игнатьева, тогда, въ случаѣ изданія неугодныхъ намъ законовъ, вина за это падеть на насъ. Намъ скажутъ: вы не прислали своихъ совѣтниковъ, и поэтому мы, не зная, что, собственно, вамъ нужно, дали вамъ то, что съ нашей точки зрењія казалось законнымъ и справедливымъ. Вотъ по этой причинѣ я стою за посылку нашихъ уполномоченныхъ въ особое совѣщеніе о вѣротерпимости. Во-вторыхъ, я стою за то, чтобы выразить Государю благодарность за указъ

17 апрѣля. Священное писаніе намъ говоритьъ: „Благодарны бывайте“, и сами мы не можемъ не сознавать, что царь, несмотря на окружающихъ его льстецовъ и обманщиковъ, представлявшихъ насъ неблагонадежными людьми и врагами родины, проявилъ къ намъ свое вниманіе. Другіе же цари этого для насъ не дѣлали. Не спорю — намъ дано наше святое и неотъемлемое достояніе каждого человѣка и гражданина, которое намъ принадлежитъ по праву и по Божьему закону. Но мы сплошь и рядомъ видимъ, какъ почти всѣ люди тѣснятъ своихъ близкихъ, стараются только о себѣ, и очень рѣдкіе люди искренно и безкорыстно полагаютъ свои интересы на пользу другихъ. Эти рѣдкіе люди и заслуживаютъ благодарности за то, что они лучше другихъ и среди мрака хоть немного свѣтятъ. А что указъ 17 апрѣля есть именно свѣтъ, хотя и слабый, въ этомъ никто не сомнѣвается.

Н. Д. Зенинъ присоединяется къ словамъ *Ѳ. Е. Мельникова*.

И. И. Захаровъ: Прежде чѣмъ сказать «да» или «нѣть» по вопросу о томъ, обеспечиваетъ ли существующій строй сохраненіе за нами правъ, полученныхъ 17 апрѣля, я желалъ бы поставить этотъ вопросъ болѣе широко, т. е. обеспечиваетъ ли вообще любой изъ существующихъ въ мірѣ строевъ сохраненіе получаемыхъ правъ? Я полагаю, что не только существующій, но и никакой изъ извѣстныхъ доселѣ строевъ государственной жизни не обеспечиваетъ ни намъ, ни кому-либо другому сохраненіе религіозныхъ правъ.

Предсѣдатель: Такой вопросъ не предусмотрѣнъ утвержденной на вчерашнемъ засѣданіи программой.

Ѳ. Е. Мельниковъ: Въ мірѣ нѣть такого закона, чтобы ему слѣдовали вѣчно, и чтобы онъ былъ непреложень, но все-таки есть гарантіи извѣстной прочности, устойчивости и осмысленности законовъ, гарантіи того, что извѣстный законъ, безъ особенной необходимости и безъ согласія самого народа, не будетъ, по личному произволу и капризу двухъ—трехъ лицъ, въ любое время вводимъ или отмѣняемъ, какъ это творится у насъ на Руси.

Если въ другихъ странахъ и измѣняется основной законъ, то измѣненіе его допускается лишь въ частностяхъ, въ основѣ же своей онъ остается не-прикосновеннымъ. У насъ же, напротивъ. У насъ даже въ одно и то-же время издаются противорѣчивые законы. Пять лѣтъ тому назадъ, какъ, несомнѣнно, помнить всѣ присутствующіе здѣсь, правительствомъ рѣшено было уничтожить у насъ священство путемъ отобранія отъ нашихъ епископовъ подписокъ — не совершать богослуженій. Намъ памятны тѣ протоколы Высочайше утвержденныхъ комиссій, тѣ циркуляры министерствъ, въ которыхъ кровавой полосой было начертано уничтоженіе у насъ священства. У насъ еще въ живыхъ тѣ архиастыри, которые, вслѣдствіе отказа дать подписку несовершать богослуженій, были административнымъ шутемъ высланы изъ своихъ мѣстожительствъ подъ надзоръ полиції. И однако все это нисколько не помѣшило одному изъ министровъ предложить намъ заселить Манжурію на правахъ полной религіозной свободы. Намъ говорили, что вы тамъ можете строить церкви, основывать монастыри и пользоваться полной религіозной свободой. Невольно рождается вопросъ, почему это такъ, почему правительство въ одномъ мѣстѣ насъ преслѣдуєтъ, а въ другомъ даетъ намъ свободу? Почему такая непослѣдовательность въ мѣро-

пріятіяхъ правительства къ намъ старообрядцамъ? Потому — можно отвѣтить безошибочно — что правительство привыкло смотрѣть на насъ не какъ на гражданъ русской земли, а какъ на животныхъ, очень пригодныхъ везти правительственные сани. Что это именно такъ — не скрываетъ и само правительство — Нуждалось правительство временъ Екатерины II-й въ молодыхъ силахъ, оно даетъ старообрядцамъ религіозную свободу, съ цѣлью привлечь нашихъ собратьевъ изъ заграницы. Такъ, по крайней мѣрѣ, высказано въ указѣ Екатерины II-й о вѣротерпимости. Миновала въ этомъ надобность — правительство вновь начинаетъ насъ преслѣдоватъ въ царствованіе Николая I-го. Задумало наше правительство обрушить кавказскій край — оно заманиваетъ туда старообрядцевъ путемъ предоставленія имъ религіозной свободы. Только исполнили старообрядцы эту правительственную задачу — ихъ начинаютъ тамъ преслѣдоватъ. Припомнить только авантюру Исидора Коловрова (викарія Нижегородской епархіи), разбойнически отбравшаго у насъ на Кавказъ монастырь и храмъ въ Вознесенской станицѣ. Даже Николай I-й, строго преслѣдя старообрядцевъ внутри Россіи, въ то-же время на окрайнѣ ея, именно въ г. Измаилѣ, разрѣшаетъ старообрядцамъ построить церковь съ куполомъ, главой и крестомъ. Эти факты неопровержимо. свидѣтельствуютъ, что правительство наше даетъ намъ религіозную свободу лишь подъ давленіемъ политической необходимости. Кто знаетъ, можетъ быть, и указъ 17 апрѣля является, какъ слѣдствіе такъ называемой русской крамолы!...

I. K. Перетрухинъ: Изъ заявлений ю. Е. Мельникова видно, что задарованную Императоромъ «милость» 17 апрѣля необходимо благодарить Государя. Нѣтъ, не хвалить нужно правительство, а порицать его за это. Нужно принять вниманіе что съ нами продѣлывали 250 лѣтъ за нашу вѣру. Говорить, что порицаніе правительству будетъ не по христіански. И это говорить старообрядцы, и это говорить тѣ люди, которые называютъ себя истинными послѣдователями Христа. Да развѣ Спаситель міра повелѣлъ преклоняться и унижать свое человѣческое достоинство предъ тѣми людьми, которые въ душѣ насъ ненавидѣть, которые 250 лѣтъ насъ жгли, мучили, позорили, попирали и травили, и вотъ, благодаря сложившимся обстоятельствамъ, вынуждены были дать намъ какія-то жалкія крошки свободы совѣсти? Стыдно вамъ, старообрядцы, первые на Руси поборники свободы совѣсти, стыдно вамъ, свободные граждане, унижать себя, унижать все, что есть лучшаго въ человѣкѣ! Скажу нѣсколько словъ по поводу посылки отъ всероссійского старообрядческаго съѣзда депутатовъ въ комиссию графа Игнатьева для выясненія своихъ нуждъ предъ правительствомъ. Принесетъ эта посылка пользу, нѣтъ ли, — для меня, собственно, подобный вопросъ не представляетъ существенной важности; я буду судить съ чисто-христіанской точки зрѣнія. Намѣченные избранныки, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, будутъ тамъ смиренно унижаться, смиренно заискивать и преклоняться предъ сильными міра сего, чтобы выхлопотать, выторговать какія-нибудь крохи религіозной свободы. Но не обидно ли это будетъ старообрядчеству, на которое, въ лицѣ депутатовъ, падеть позоръ униженія. И какими глазами на насъ посмотрѣли бы предки? Развѣ вы забыли завѣты первого противника никоновской реформы, могучаго борца за идеалы старины, страдальца и мученика за вѣру и убѣжденія, богатыря — протопопа Аввакума. Вспомните, что писалъ онъ царю Алексѣю Михайловичу изъ Пустозерскаго подземелья: «Царь государь, воистину глаголемъ ти: смѣло дерзаете, да не на пользу себѣ. Кто бы смѣлъ реши таковыя хульныя глаголы на святыхъ, аще

не твоя держава попустила тому быти“. Будемъ же и мы говорить только правду и во имя этой св. идеи не будемъ класть пятно пресмыкательства, унижения и позора на старообрядчество. (Аплодисменты).

Θ. Е. Мельниковъ: О томъ, что въ душѣ у этихъ людей, и о ихъ намѣреніяхъ, мы судить не можемъ. Былъ министръ Плеве, который тѣснилъ старообрядцевъ и весь русскій народъ, но вступилъ въ управление другой министръ князь Святополкъ-Мирскій, и политика перемѣнилась. Значитъ дѣло въ тѣхъ льстцахъ, которые окружаютъ царя. А причина безправнаго положенія старообрядцевъ та, что правительство не знало наши нужды, мы же о нихъ не говорили. Поэтому я и стою за посылку представителей старообрядцевъ въ комиссию графа Игнатьева. А то странное дѣло, съ одной стороны желаютъ народнаго представительства, а съ другой не хотятъ, чтобы правительство выслушало представителей старообрядчества.

Предсѣдатель: Но вѣдь одно дѣло—посылать представителей въ такую комиссию, которая желаетъ намъ добра, желаетъ дать намъ то, что нужно, и другое дѣло—послать ихъ туда, гдѣ намъ желаютъ создать только термазы, затрудненія и ограниченія, гдѣ желаютъ уничтожить свободу и самодѣятельность нашей церкви, подчинивъ наше духовенство правительству и создавъ изъ него касту. О томъ, что на душѣ у этой комиссіи и о ея намѣреніяхъ, мы опредѣленно можемъ судить уже по однимъ фамиліямъ ея членовъ и по ихъ прошлой дѣятельности. Это всѣмъ известные Штурмеръ, его однокашникъ Гурляндъ—сподвижники Плеве, а также Саблеръ—сотрудникъ Побѣдоносцева, гр. А. П. Игнатьевъ и Череванскій. Относительно благодарности за указъ 17 апрѣля я опять скажу, что не благодарить, а порицать нужно правительство, ибо оно 250 лѣтъ нась гнало, жгло, мучило и преслѣдовало за то, что, по его же собственному признанію, оказалось вовсе непреступно. Относительно того, что и въ другихъ странахъ прочность религіозной свободы не гарантирована, я долженъ заявить, что это ложь. Тамъ существуетъ основной законъ, называемый конституціей, который содержитъ договоръ правительства съ народомъ, на какихъ условіяхъ и основаніяхъ правительство должно управлять, и во всѣхъ конституціяхъ всѣмъ гражданамъ обеспечена на вѣчныя времена свобода совѣсти, устнаго и печатного слова и личности, и этотъ основной законъ, безъ согласія самого народа, измѣнить или отмѣнить базнаказано правительство не можетъ, зачѣмъ строго слѣдить народные представители. Говорить, что правительство не знало нашихъ нуждъ, а мы о нихъ не говорили. Но если оно 250 лѣтъ не знало и не хотѣло знать нашихъ нуждъ, значитъ оно не соответствуетъ своему назначенію, потому что, во всякомъ случаѣ, не народъ для правительства, а правительство для народа, который въ 1612 году, по свободному избранію, довѣрилъ ему свою судьбу. Но вѣдь это, въ сущности, и неправда, что мы молчали, а правительство не знало. Сколько старообрядцы посыпали и подавали прошений и петицій этому же Государю и министрамъ Сипягину и Плеве, да и раньше. Вѣдь царь и теперь окруженъ все тѣми же льстцами, что и раньше; почему же онъ раньше не сдѣлалъ того, что сдѣлано 17 апрѣля? Да просто время и обстоятельства заставили, и иначе нельзѧ было сдѣлать.

А затѣмъ, чтобы знали наши нужды, нѣть необходимости посыпать въ комиссию гр. Игнатьева людей, такъ какъ на людей никакъ невозможно полагаться, а достаточно послать петицію, въ коей опредѣленно высказать всѣ

наши нужды и желанія, и тогда у комиссіи не будетъ и отговорокъ въ незнаніи. Какой смыслъ посыпать намъ туда представителей, которые будутъ для бюрократіи играть роль ширмочекъ? Неужели хотятъ, чтобы надъ нами нагло поглумились? А вѣдь такъ и было доселѣ. Представителямъ общественныхъ силь, приглашаемымъ въ бюрократическую комиссию, говорили: «Выскаживайтесь, но въ известныхъ предѣлахъ. А мы рѣшимъ, какъ хотимъ». Даже болѣе.— Припомните комиссию Шидловскаго по рабочему вопросу. Когда Шидловскій выборнымъ рабочихъ отказалъ въ свободѣ слова и неприкосновенности личности, и они отказались войти въ его комиссию, имъ сдѣлали на паспортахъ помѣтки о политической неблагонадежности, выгнали съ заводовъ и изъ Петербурга. Тѣмъ болѣе не пощеремонятся съ нашими представителями.

Г. М. Калининъ вполнѣ присоединяется къ мнѣнію предсѣдателя.

В. Г. Усobъ: Если правительство не знаетъ нашихъ нуждъ, а нужды другихъ гражданъ удовлетворять, значитъ оно не соответствуетъ своему назначению, не заботится о насъ. Если оно желаетъ нашей самодѣятельности, пусть даетъ свободу. А если оно желаетъ насъ ограничить, то пусть дѣлаетъ, что ему угодно, а намъ въ этомъ участвовать и торговаться съ нимъ нѣть смысла.

И. И. Захаровъ: По вопросу о выборѣ способа выраженія нашихъ желаній, т. е. послать ли нашихъ представителей въ Игнатьевское совѣщеніе, или же ограничиться изложеніемъ на бумагѣ нашихъ пожеланій и нуждъ, не могу не высказаться рѣшительно противъ отправки нашихъ представителей въ совѣщеніе графа Игнатьева. Въ основаніе подобного взгляда позвольте сослаться на примѣръ обсужденія вопросовъ на только что закрывавшемся VI съездѣ старообрядцевъ. Не буду говорить рѣзко, но все-таки мнѣнія людей маленькихъ, особенно когда имъ не сочувствовалъ предсѣдатель, или принимались съ трудомъ, или выслушивались неохотно, или даже не допускались, во всеуслышаніе порицались. Примѣры, думаю, не нужны. Памятно всѣмъ небрежное отношеніе къ заявленіямъ членовъ съезда, злоупотребленіе занимаемымъ положеніемъ, когда мѣшали свободно высказаться, вслѣдствіе чего кто посильнѣе, похрабрѣе и понастойчивѣе, тому и удавалось больше сказать.

Такъ вѣдь, вѣроятно, будетъ и въ совѣщеніи Игнатьева. Люди и тамъ останутся людьми, не переродятся въ ангеловъ. Мнѣ возразятъ, неужели нельзя положиться на тѣхъ лицъ, которыхъ избралъ съездъ изъ числа 200 лучшихъ представителей общинъ? Но вѣдь и всѣ эти 200 выбраны общинами, какъ лучшіе, и тѣмъ не менѣе они другъ другу мѣшали, забывая о благѣ общемъ.

Что же касается ссылки одного изъ защитниковъ отправленія представителей въ Игнатьевское совѣщеніе на примѣръ плодотворнаго участія нашихъ представителей въ частной комиссіи Путилова, то позвольте спросить, какое значеніе было придано этимъ старообрядцамъ? Бесѣдуя съ ними чуть ли не на канунѣ 17 апрѣля, не спросили даже ихъ мнѣнія о томъ, напримѣръ, нужно ли старообрядцамъ утвержденіе нашего духовенства правительствомъ? Слѣдовательно о правительствеѣ далеко нельзя сказать, что оно дало старообрядцамъ желаемое. Говорятъ, что оно дало даже и то, чего не просили. Правда, но хорошо ли это не прошенное, и все ли просимое дано? Въ подтвержденіе первого

снова сошлюсь на вопросъ объ утверждениі нашего клира, а въ подтверждениѣ второго хотя на постановленіе объ именованіи его настоятелями, о чмъ едва ли мы просили даже когда бы то ни было, а не только на совѣщаніи у Путилова.

I. И. Хромовъ: Я не соглашаюсь съ тѣмъ, что наши представители необходимы въ комиссіи Игнатьева потому, что они будутъ тамъ, какъ известно по опыту, только раскланиваться. Приглашаются они неофициально, такъ что если что и будутъ говорить въ этой комиссіи, то келейнымъ образомъ. Это намъ едва ли поможетъ, когда известно, что были приглашены представители рабочихъ въ комиссию Шидловскаго, но имъ не дали возможности отстоять свои интересы. Я соглашаюсь съ г. предсѣдателемъ, что намъ нужно изложить въ петиціи ваши нужды и послать въ эту комиссию. А если наши желанія не будутъ удовлетворены, то мы въ правѣ будемъ обратиться къ содѣйствію печати. Если же наши представители будутъ въ комиссіи, то этого права мы лишимся (?).

A. Г. Сничаковъ. Нѣкоторые изъ присутствующихъ высказывали, что правительство не знаетъ наши нужды, не знаетъ, что нужно старообрядцамъ, какія права и какой законъ. Я, гг., противъ этого. Правительство знаетъ, что именно нужно старообрядцамъ, какія права и какой законъ. Знаетъ же правительство, чѣмъ пользуется господствующая церковь и прочие граждане. Дай намъ правительство именно все то, чѣмъ пользуется господствующая церковь въ Россіи и другіе граждане. Но правительство не желаетъ *именно намъ* дать это. Причина известна.—На вопросъ о томъ, гг., будуть ли наши представители отъ VI всероссійского съзыва пользоваться правомъ свободного слова въ совѣщаніи гр. Игнатьева по разработкѣ закона для насть, старообрядцевъ, я долженъ сказать, что нѣтъ, и сейчасъ вамъ скажу, почему именно.—Ужъ если Сироткинъ, самъ же старообрядецъ, и въ такомъ учрежденіи, какъ всероссійский старообрядческий съездъ, не допускаетъ свободно высказываться, то тѣмъ болѣе въ совѣщаніи графа Игнатьева, гдѣ засѣдаютъ бюрократы, заклятые враги старообрядцевъ, не позволять свободно высказываться нашимъ представителямъ. Они тамъ будутъ только сидѣть и занимать шесть вѣнскихъ стульевъ (апплодисменты!).

Предсѣдатель: Вопросъ, гг., достаточно выяснился и позвольте его поставить на баллотировку. Кто стоитъ за посылку депутатовъ въ комиссию г. Игнатьева—сидѣть. Кто стоитъ за посылку только мотивированной петиціи—встать.

Подавляющимъ большинствомъ рѣшено, что достаточно послать только петицію.

Предсѣдатель ставить на баллотировку главный вопросъ программы: „Существующій государственный строй (самодержавный) обеспечиваетъ ли на будущее время права старообрядцевъ, данные указомъ 17 апрѣля?“

Рѣшено единогласно: «не обеспечиваетъ».

Далѣе приступлено было къ обсужденію III пункта программы: „Существующій государственный строй соответствуетъ ли интересамъ и благосостоянію народа?“, но за позднимъ временемъ предсѣдатель объявилъ засѣданіе закрытымъ. Слѣдуютъ подписи.

Протоколъ частнаго собранія членовъ VI всероссійскаго съезда старообрядцевъ въ Н.-Новгородѣ.

Засѣданіе 9 августа 1905 года.

Предсѣдатель, объявивъ засѣданіе открытымъ, предлагаетъ избрать новаго предсѣдателя.

Собрание избираетъ прежняго—В. Е. Макарова.

Предсѣдатель предлагаетъ высказаться по вопросу, предложеному къ обсужденію на засѣданіи 7 августа, именно: «Существующій государственный строй соответствуетъ ли интересамъ и благосостоянію народа?»

И. А. Лукинъ: Я долженъ заявить категорически, что существующій государственный строй не соответствуетъ интересамъ и благосостоянію народа. Не ходя далеко, возьмемъ въ примѣръ нашу обыденную деревенскую жизнь и земельный вопросъ. Кому неизвѣстно, что крестьянскій земельный надѣль начтенъ. Его никоимъ образомъ не хватаетъ для того, чтобы прокормиться и жить мало-мальски сносно. Поэтому приходиться брать землю у помѣщиковъ за очень высокую арендную плату. Прибавьте къ этому невыносимо—тяжелые налоги, подати и повинности, всей своей тяжестью падающія на крестьянскую массу, угнетеніе крестьянъ и опеку надъ ними со стороны администраціи и земскихъ начальниковъ, отсутствіе просвѣщенія и школъ, больницъ, дорогъ и проч., и вы увидите, что существующій государственный строй отнюдь не служитъ благосостоянію народа и ничего ему, особенно крестьянству и вообще бѣдному трудящемуся люду, не приносить, кроме вреда..

И. И. Захаровъ: Я не согласенъ съ г. Лукиномъ и думаю, что существующій государственный строй приносить не только вредъ, но и пользу.

И. А. Лукинъ: Позвольте—я еще не сказалъ про одно зло, приносимое народу самодержавнымъ правительствомъ. Оно забрало въ свои руки кабаки и путемъ отравленія народа спиртнымъ ядомъ собираетъ громадные доходы. Пьянство распространяется все больше. Его усердно насаждаютъ вездѣ, устраивая винные лавки и тамъ, где ихъ не было, и часто противъ воли обывателей.

И. К. Перетрухинъ: Я не согласенъ съ г. Захаровымъ въ томъ, что существующій государственный строй приносить русскому народу и пользу, и уверенъ, что онъ приносить абсолютно одинъ вредъ, куда ни посмотрѣть... Для чего учрежденъ институтъ земскихъ начальниковъ, какъ не для того, чтобы угнетать народъ, вмѣшиваться въ его духовную и хозяйственную жизнь, препятствовать его самодѣятельности, проявленію инициативы и здороваго народнаго смысла. Народъ задыхается подъ бременемъ косвенныхъ налоговъ. А въ то же время дворяне, графы, князья, придворная челядь, вообще высшій правящій классъ, утопаютъ въ роскоши, проживаютъ громадныя деньги, безцеремонно и безконтрольно расхищаютъ казну и народный трудъ, и взамѣнъ этого на послѣдніе годы народа преподносятъ ему казеннную отраву, устроивъ повсемѣстно правильную сѣть кабаковъ. Человѣчество вездѣ и всегда, разъ оно достигало самосознанія, никогда не было довольно своимъ положеніемъ, всегда стремилось къ усовершенствованію. Поэтому неоспоримо право русскаго народа—потребовать общественного переустройства теперь, когда онъ достаточно выросъ въ умствен-

номъ—интеллигентскомъ отношеніи. А между тѣмъ самодержавное правительство не идетъ на встречу требованіямъ своего народа, угнетаетъ его, попираетъ свободу слова, печати, личности и совѣсти, и хочетъ держать народъ во тьмѣ, нуждѣ и рабствѣ. Лошади и собаки лучше воспитываются, лучше питаются, имѣютъ лучше жилище и уходъ, чѣмъ нашъ горемычный крестьянинъ и рабочій народъ. Поэтому существующій государственный строй, создающій такія условія жизни, не только не соответствуетъ интересамъ и благосостоянію народа, но прямо мерзокъ, гадокъ и отвратителенъ.

В. Г. Усовъ: Существующій государственный строй уже по тому одному негоденъ, что даетъ полный просторъ произволу и деспотизму нѣсколькихъ лицъ во вредъ всему народу, что производить давленіе на личность и держать въ тискахъ духовное и экономическое развитіе народа.

Предсѣдатель предлагаетъ заслушать его докладъ по этому вопросу.

Собраніе изъявляетъ согласіе.

Читается докладъ предсѣдателя.

І. К. Неретрухинъ: Въ основаніяхъ и выводахъ я согласенъ съ докладомъ. Да и кто теперь не знаетъ и не чувствуетъ, что въ Россіи царить безправіе и произволъ? Но, по моему мнѣнію, нельзя духовенству предоставить полную свободу, сдѣлавъ его независимымъ отъ правительства, потому что тогда церковь поработить государство, духовенство забереть въ свои руки и полицію, и войско и будетъ полнымъ хозяиномъ въ странѣ, соединивъ въ своихъ рукахъ и свѣтскую, и духовную власть. Что-нибудь одно: или свободное свѣтское государство, или свободная церковь, отдѣленная отъ государства, которая будетъ стремиться къ теократіи, къ нацизму и къ порабощенію государства. А вмѣстѣ эти два учрежденія ужиться не могутъ.

Предсѣдатель: Я не раздѣляю опасеній оппонента о порабощеніи государства свободной церковью, разъ принципъ отдѣленія ея отъ государства будетъ проведенъ полно и послѣдовательно. Дѣло въ томъ, что церковь будетъ совершенно свободна и независима отъ государства только въ своихъ духовныхъ дѣлахъ. Во внѣшней обыденной жизни члены ея будутъ подчиняться государству. Церковь лишена будетъ политической силы, правительственной поддержки и казенныхъ средствъ. Сферой ея вліянія останутся души и совѣсть совершенно свободныхъ гражданъ. Какъ же она сумѣеть поработить государство, овладѣть войскомъ и полиціей, разъ ей будетъ принадлежать только духовная сила, сила слова и убѣженія, и никакой политической власти? Да подобные притязанія и совершенно чужды истинной церкви, если она хочетъ оставаться Христовой. Минь кажется, что въ свободномъ государствѣ церковь, покусившаяся овладѣть свѣтской властью, вызвала бы къ себѣ отвращеніе и обрекла бы себя на смерть, такъ какъ ни одинъ свободный гражданинъ, вѣрующій сознательно и добровольно, а не по принужденію, ни остался бы ея членомъ.

Предсѣдатель объявляетъ перевывѣ засѣданія.

По возобновленіи засѣданія продолжается обмѣнъ мнѣній по поводу прочитанного доклада.

И. И. Захаровъ: Мы слышали здѣсь тяжелая и беспощадныя обвиненія русскому правительству въ томъ, что оно приносить народу только горе и вредъ и не соответствуетъ своему назначению. Но правда ли это? Правда ли, что оно ничего не сдѣлало для народа? И не есть ли это просто злые, клеветническія нападки? А кто же, скажите, какъ не оно, покрыло Русь густой сѣтью учебныхъ заведеній, низшихъ, среднихъ и высшихъ? Кто, какъ не пра-

вительство, предоставило печати такую свободу, что она получила возможность открыто обсуждать вопросы государственные и даже подвергать критикѣ дѣйствія правительственные чиновъ? Кто, какъ не правительство, по всему лицу Руси великой настроило и содержить множество пріютовъ, больницъ, богадѣлень? Кто же, какъ не презираемое и ненавидимое вами правительство создало великихъ русскихъ писателей (*sic!*), славящихся міровой извѣстностью? Кто, какъ не то же правительство, создало богатую фабрично-заводскую промышленность въ Россіи, дающую заработки миллионамъ рабочихъ? Кто же, какъ не оно, устроило густую сѣть желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и телефоновъ? Наконецъ, освобожденіе крестьянъ и эпоха великихъ реформъ созданы, думаемъ, не бомбами, не стачками и революціей, а опять таки доброй волей того же порицаемаго вами правительства. Кто, какъ не оно, дало Россіи судъ скорый, правый и милостивый? Кто, какъ не то же правительство, издало драгоценный указъ 17 апрѣля настоящаго года о вѣротерпимости? Кто, какъ не оно, допустило устроить колокольню на старообрядческомъ Рогожскомъ кладбищѣ въ Москвѣ? При какомъ же правительствѣ на закончившемся старообрядческомъ съѣздѣ провозглашено такое равноправіе половъ, какого нѣтъ нигдѣ (!) — предоставление всѣмъ женщинамъ участія и избирательнаго права въ дѣлахъ приходской общины? Кто опять, какъ не оно, разбрало по лицу земли русской множество богатѣйшихъ музеевъ? Кто, какъ не то же правительство допустило то, что свободно распространяются тысячами нецензурныя книги, а старообрядческіе начетчики публично обличають на бесѣдахъ неправоту представителей казенной церкви? Все это дано самодержавными русскими государями! А въ заключеніе я вамъ скажу словами кн. Голицына (Муравлина):

„Ты насъ учи успѣхамъ зарубежнымъ.

Чужого жъ строя къ намъ не приноси,
Хулителемъ безсмысленно мятежнымъ

Того, что Богъ послалъ на Руси! Себя въ обычай мертвый не зароемъ,
Но продавать не станемъ старины.

Русьсоздалась своимъ домашнимъ строемъ,
Имъ дорожить, что кладомъ мы должны“.

Г. К. Перетрухинъ: Г. Захаровъ какъ будто витаетъ гдѣ-то въ воздушномъ пространствѣ, если не видя того, что его окружаетъ, онъ способенъ быть въ своей плаксивой рѣчи читать такой длинный панегирикъ русскому самодержавно-бюрократическому правительству, которое достаточно уже понялъ и по достоинству оцѣнилъ русскій народъ. Онъставилъ въ заслугу правительству то, что оноякобы покрыло Россію густой сѣтью учебныхъ заведеній, низшихъ, среднихъ и высшихъ. Да гдѣ же она, эта „густая сѣть? Покажите намъ ее! Зачѣмъ говорить ложь? Если и есть у насъ кое-какія школы, то вѣдь всѣмъ извѣстно, что создало ихъ не правительство, а земство и частные лица, т. е. тотъ же самый народъ, а правительство лишь тормозить на каждомъ шагу дѣло просвѣщенія народа. Г. Захаровъ, не говоря уже о всемъ прочемъ, не постыдился упомянуть о томъ, что правительство создало (?) великихъ русскихъ писателей. Господи, Боже мой! Серьезно это сказано или въ шутку? Вѣдь вся мыслящая Россія знаетъ, всему свѣту извѣстно, какъ „поощряеть“ „создаетъ“ наше правительство писателей и ученыхъ! Приведенный доводъ г. Захарова заставляетъ зарыдать надъ всѣми прошлыми и настоящими мѣрами предпринятыми противъ нашихъ лучшихъ литературныхъ силъ. Достоевскій, Герценъ, Чернышевскій и Костомаровъ „поощрялись“ правительствомъ за ихъ славную работу. Указалъ г. Захаровъ и на указъ 17 апрѣля. Но что же даетъ намъ этотъ указъ? Развѣ онъ прѣвозгласилъ свободу совѣсти? Но вѣдь если бы даже случилось и такъ, то заслуга правительства тутъ была бы не велика, такъ какъ вѣра по совѣсти — святое право человѣка, и правительство топчетъ

это право беззаконно. Въ дѣйствительности же указъ этотъ, давъ намъ кое-какія льготы, установилъ для насъ новыя стѣсненія, которыя, если только послѣдовательно будутъ проведены въ жизнь, лишить нашу церковь свободы и самодѣятельности. Да притомъ вѣдь этотъ указъ насилиемъ вырванъ у правительства въ трудныя для него времена, и оно уже стремится данное подъ давлениемъ обстоятельствъ и политической необходимости снова урѣзать или отнять разными „циркулярами“. Такъ вотъ каковы въ дѣйствительности всѣ мнимыя заслуги нашего самодержавія, о которыхъ съ такимъ аппломбомъ повѣдалъ намъ г. Захаровъ.

Н. Д. Зенинъ: Всѣ ругаютъ правительство, бюрократію, указываютъ ихъ недостатки, злоупотребленія и пороки, но сами неспособны создать ничего лучшаго и порядочнаго. Критиковать легко—создать трудно. И въ другихъ странахъ не текутъ молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ. Возьмите Австрію—прославленную страну свободы (?!). Она имѣть то, чего вы желаете и требуете для Россіи. И что же? Лучше ли тамъ живеть народъ? Отнюдь нѣтъ! Все также съ народа дерутъ безпощадно. Въ Галиціи евреи Ѳздѣть на русинахъ. Мнѣ самому пришлось проѣхать черезъ всю Австрію по желѣзнай дорогѣ.—У насъ вы провезете съ собой 2 пуда багажа—слова не скажутъ, а тамъ не дадутъ провезти и полпуда; у насъ вы получаете спальное мѣсто, а тамъ и сидѣть тѣсно. И никакой контроль народный недѣйствителенъ въ борьбѣ съ этими прелестями. Наконецъ возьмите наше земство—этую маленькую республику (?!). Здѣсь ужъ, кажется, самъ народъ вѣдаетъ свои интересы (?!), существуетъ и контроль народный (?!) И что же? Земство немилосердно грабить мужика, а дороги никуда не годятся, нѣтъ мостовъ и больницъ. Поэтому я считаю, что никакая конституція, никакой строй не поможетъ намъ, пока мы сами будемъ слишкомъ дурными и порочными людьми. Исправьте сначала себя!

Ф. Е. Мельниковъ: Правительство сдѣлало очень много зла, но и самъ народъ, своимъ пьянствомъ, развратомъ, продажностью, корыстолюбиемъ, жестокостью и эгоизмомъ, сдѣлалъ его не меньше.

Предсѣдатель: Позвольте, гг., сдѣлать маленькую отповѣдь на замѣчанія и положенія моихъ оппонентовъ, высказанныя по поводу моего доклада. Г. Захаровъ указывалъ на многія, по его мнѣнію, заслуги предъ русскимъ народомъ царскаго самодержавія, которое есть, въ сущности, самодержавіе бюрократіи, да инымъ и не можетъ быть. Но всѣ эти восхваленія, заставляющія насъ сдѣлать маленькую экскурсію въ область тѣхъ родовъ творчества бюрократіи, на которые указалъ оппонентъ, приводятъ насъ къ выводамъ какъ разъ противоположнымъ и еще болѣе безотраднымъ и нелестнымъ для нашего самодержавно-бюрократического правительства. Въ самомъ дѣлѣ, оппонентъ говоритъ, что правительство покрыло Россію густой сѣтью учебныхъ заведеній, низшихъ, среднихъ и высшихъ. И это говоритъ сынъ той страны, которая едва насчитываетъ у себя грамотныхъ 20 человѣкъ на 100, которая въ этомъ отношеніи отстала даже отъ такихъ государствъ, какъ Болгарія и Сербія, вѣка изнывавшія въ турецкой неволѣ, но недавно вырвавшіяся изъ подъ варварскаго гнета поработителей и не знающія прелестей самодержавнаго режима. Это говоритъ старообрядецъ, одновѣрцамъ котораго не даютъ строить школы, держа ихъ въ тьмѣ! «Густая сѣть высшихъ учебныхъ заведеній». Какой горькой ироніей звучать эти слова. На 140000000 жителей 9 университетовъ, и это „густая сѣть“! А известно ли вамъ, что С.-Американскіе Соединенные Штаты имѣютъ 629 университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній? Развѣ вы не знаете, что самодержавная клика сознательно держитъ народъ во тьмѣ и невѣжествѣ, которая служить главной опорой варварскаго деспотического режима, что оно

сознательно задерживаетъ культурный ростъ страны и держитъ въ тискахъ развиціе интеллигентной мысли? Враждебное отношение правительства къ распространенію просвѣщенія выражается въ общей и специальной цензурѣ, въ крайне одностороннемъ подборѣ профессоровъ и учителей, въ препятствіяхъ, ставимыхъ частной и общественной просвѣтительной дѣятельности, школьному и внѣшкольному просвѣщенію. Эту неблагодарную задачу, какъ это ни странно, исполняютъ „министрство народнаго просвѣщенія“, которое по справедливости должно назвать „министрствомъ народнаго затемнѣнія“, и состоящій при немъ т. н. „ученый комитетъ“. Если бы, проснувшись завтра, мы узнали, что, по какому-то чуду, эти два учрежденія, какъ и большинство остальныхъ нынѣшихъ министерствъ, исчезли съ лица земли, то право, кромѣ пользы, русскій народъ ничего отъ этого не получилъ бы. Фамусовскія традиціи съ девизомъ: „Ученые вотъ чума!“ нигдѣ, кажется, не свили себѣ такого прочного гнѣзда, какъ въ этихъ ультра—бюрократическихъ гнѣздахъ—разсадникахъ тьмы. Въ самомъ дѣлѣ, народъ жадно стремится изъ мрака къ свѣту, ищетъ знаній, духовной пищи, а ему вместо хлѣба предподносятъ камень и казенный алкоголь. Доступъ въ народъ хорошей книги загороженъ, и народу дозволяется читать только „Бову—королевича“, „Еруслана Лазаревича“ прочную и подобную дрянь. Для этого существуетъ каталогъ книгъ, допущенныхъ „ученымъ комитетомъ“ въ народныя библіотеки и читальни. О строгости русской цензуры и говорить не приходится—она стала притчей во языцѣхъ. Но и изъ разрѣшенныхъ цензурой книгъ допущены „ученымъ (?) комитетомъ“ только дѣтскія и пустыя, ничего не говорящія ни уму, ни сердцу. Нужно въ совершенствѣ постигнуть анти-министрскую алхимию этого каталога, чтобы изъ бочки дегтя извлечь хотя одну каплю меда. Положеніе непосредственныхъ просвѣтителей народа поистинѣ трагическое. Вы не можете представить, какъ тяжело имъ работать, въ какихъ они находятся ненормальныхъ условіяхъ, какъ подавляется властной рукой всякая иниціатива, вслѣдствіе чего просвѣтитель народа обращается въ жалкую маріонетку. Поистинѣ—это прикованный Прометей! И въ результатѣ такой политики въ области просвѣщенія наше полное банкротство умственное, нравственное и экономическое. Наша война съ Японіей служить яркимъ доказательствомъ того, къ чему привела Россію политика тьмы. Приходится повторять старую истину—„школьный учитель побѣдилъ“. Тамъ нѣтъ такихъ стѣсненій, тамъ образованіе и просвѣщеніе народа не сковано цѣпями вандаловъ. И благодаря этому въ 35 лѣтъ дикая варварская страна, въ которой не было ни газетъ, ни журналовъ, не было великихъ писателей, какъ Гоголь, Пушкинъ, Бѣлинскій, Тургеневъ, Л. Толстой, превратилась въ культурную страну, опредила нась и, такая маленькая, побѣдила великую страну, пользующуюся всѣми прелестями самодержавнаго режима. Вотъ что значитъ выпустить народъ на свободу, дать ему свѣтъ и науку, вотъ что значитъ дѣйствительно „покрыть страну густой сѣтью учебныхъ заведеній“, чего намъ пока приходится только желать. Далѣе оппонентъ сказалъ, что самодержавное правительство предоставило русской печати такую свободу, что она получила возможность свободно обсуждать государственные вопросы и подвергать критикѣ дѣйствія правительства. Но какова же, посмотримъ, эта хваленая свобода печати? А вотъ: министръ внутреннихъ дѣлъ, за статью, по его мнѣнію, недопустимую, можетъ прикрыть газету на 3 мѣсяца, или запретить ея розничную продажу, или запретить печатаніе въ ней объявлений, а цензоръ можетъ любой номеръ газеты задержать и не дать выпустить въ свѣтъ. Это для изданій безъ предварительной цензуры.

А о цензурныхъ изданіяхъ и говоритьъ нечего. Тамъ красный карандашъ цензора производить страшныя опустошенія, такъ что часто газета выходитъ въ буквальномъ смыслѣ слова пѣщивой; текстъ чередуется съ громадными пустыми мѣстами. Да если бы русскій народъ на самомъ дѣлѣ пользовался благами свободной печати, то совершенно незачѣмъ было бы издавать за границей разныя газеты и журналы, какъ „Колоколь“, „Слово Правды“, „Освобожденіе“, „Искра“, „Революціонная Россія“ и т. д. Какой „свободой“ пользуется у насъ правдивое слово, устное и печатное,—мы чуть не каждый день имѣемъ несчастіе слышать или наблюдать, и ужъ лучше бы оппоненту совсѣмъ о ней не говорить. Онъ упомянулъ и о томъ, что правительство наше настроило и содержитъ множество пріютовъ, больницъ и богадѣлень. Но какая это ложь! Всѣ почти пріюты и ясли созданы земствами, городами, различными обществами и частными лицами, но никакъ не правительствомъ, которое не отпускаетъ на нихъ ни копѣйки. Покажите намъ, гдѣ правительственные больницы? Всѣ онѣ земскія, городскія и частныя, и правительство на нихъ отпускаетъ столько же, сколько и на пріюты. Богадѣлень правительство устроило не больше и отпускаетъ на нихъ средствъ ровно столько же, сколько на пріюты и на больницы. Оппонентъ не обошелъ скромнымъ молчаніемъ и того, что будто бы нагаечное самодержавіе „создало великихъ русскихъ писателей (sic!), пользующихся міровой извѣстностью“. Подобное утвержденіе оппонента наводить насъ на большое сомнѣніе въ его знакомствѣ съ біографіями нашихъ великихъ писателей. Въ самомъ дѣлѣ, кто же заставилъ скитаться по Россіи и довелъ до смерти на дуэли Пушкина и Лермонтова, какъ не это варварское правительство съ его самодержавнымъ режимомъ и порождаемыми имъ традиціями и общественной обстановкой? Кто, какъ не оно, экспатриировало Герцена и Тургенева? Кто, какъ не оно, сослало въ каторгу Достоевскаго? Кто засыпалъ въ снѣгахъ сибирской тундры Чернышевскаго? Кто, какъ не то же самодержавное правительство, покушалось уморить въ монастырскомъ казематѣ Сузdalльской крѣпости Л. Н. Толстого? И кто, какъ не оно, исключило изъ членовъ академіи наукъ и продержало нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ М. Горькаго? Да и вообще жизнь всѣхъ русскихъ писателей—сплошной мартирологъ. Оппонентъ повѣдалъ еще, что самодержавіе создало богатую фабрично-заводскую промышленность въ Россіи, дающую народу заработки, покрыло страну густой сѣтью желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и телефоновъ. Хотя наша индустрія не такъ ужъ богата, сѣть казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфа не такъ ужъ густа, какъ уверяетъ оппонентъ, а масса желѣзныхъ дорогъ и телефоновъ построены на частные средства, и хотя все это никакъ не можетъ итти даже въ сравненіе съ западомъ, но я не буду спорить, а только спрошу оппонента: на чьи средства и чьимъ трудомъ все это создано, и чья, слѣдовательно, здѣсь главная заслуга, и кто, какъ не тоже правительство, своей политикой въ области финансовъ и промышленности, довело до нищеты народъ, который выносить на своихъ плечахъ и содержать почти цѣликомъ на свои средства эту самую промышленность. Оппонентъ старался увѣрить насъ, что и освобожденіе крестьянъ, и эпоха великихъ реформъ явились не вслѣдствіе бомбъ, стачекъ и революціи, а даны по доброй волѣ самодержавного правительства. Но этого не скажетъ тотъ, кто хоть не много знаетъ исторію. Освобожденіе крестьянъ явилось слѣдствіемъ разгромленія нашего въ севастопольскую кампанію; оно было произведено не по доброй волѣ, а въ силу необходимости и экономическихъ причинъ, о чёмъ открыто заявилъ самъ Александръ II. Въ собраніи московскихъ дворянъ,

ярыхъ крѣпостниковъ, не хотѣвшихъ ничего вокругъ видѣть и понимать, онъ сказаъ относительно освобожденія приблизительно слѣдующее: „Господа! И мнѣ дороги интересы дворянства, ибо я первый среди васъ дворянинъ. Но лучше сдѣлать освобожденіе сверху, чѣмъ оно само сдѣлается снизу. Если сдѣлаемъ сверху, то во-первыхъ заслужимъ и благодарность, и себѣ кое-что выговоримъ, сдѣлаемъ такъ, какъ удобнѣе и выгоднѣе намъ. А если оно само сдѣлается снизу, противъ нашего желанія, то намъ ничего не останется“. И на самомъ дѣлѣ, тогда уже начались по Россіи въ разныхъ мѣстахъ громадныя волненія крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ, которыя показали, что пришелъ крѣпостному праву конецъ. О данномъ русскому народу самодержавнымъ правительствомъ „судъ скоромъ, правомъ и милостивомъ“ лучше бы ужъ не упоминать. Его „скорость“ вошла въ поговорку. Благодаря этой „скорости“ морятъ людей до суда по 2 года и болѣе въ тюрьмѣ, и таскаютъ по судамъ лѣтъ по 5. А справедливость суда и его милостивость заключаются развѣ только въ томъ, что голоднаго бѣдняка, укравшаго изъ подъ замка рубль, онъ приговариваетъ къ арестанскимъ ротамъ, за правду, за мнѣнія и взгляды морить цѣлые годы и десятки лѣтъ въ крѣпостяхъ, ссылаетъ въ пожизненную каторгу и приговариваетъ къ смерти, въ то время, какъ высокопоставленные, титулованные и чиновные мерзавцы безнаказанно и свободно расхищаются и грабятъ народное достояніе. Сказаъ оппонентъ и обѣ указъ 17 апрѣля, которымъ самодержавіе признало нѣкоторыя религіозныя права за старообрядчествомъ. Но развѣ можно ставить въ заслугу правительству то, если, послѣ цѣлыхъ вѣковъ попранія неотъемлемаго права человѣка — вѣровать по совѣсти, оно наконецъ признало это право съ большими оговорками, подобно грабителю, который возвращаетъ ограбленному его имущество? Правительство еще недавно заявляло, что никогда старообрядцы не получать желаемаго; а вѣдь просили даже меныше того, что дано указомъ 17 апрѣля. Оно грозило отнять и то, чѣмъ уже пользовались. Царь, подписавшій указъ 17 апрѣля, на многократныя просьбы о распечатаніи алтарей Рогожскаго кладбища въ Москвѣ и о возвращеніи въ Москву высланного оттуда архіепископа Іоанна отвѣчалъ категорическимъ отказомъ. Это показываетъ, что указъ 17 апрѣля, вырванный у правительства въ трудныя для него времена, данъ намъ не по личнымъ побужденіямъ кого либо, что его дало народное освободительное движение, что нась вынесъ на своихъ плечахъ рабочій народъ. То же, конечно, нужно сказать и обѣ устройствѣ на Рогожскомъ кладбищѣ и въ другихъ мѣстахъ колоколенъ. Правительство жестоко пскарало бы это „беззаконіе“, по не въ силахъ этого сдѣлать, и по необходимости смотрѣть на это сквозь пальцевъ. Это видно изъ того, что 2 года назадъ Штурмеръ, ближайшій сподвижникъ ministra Плеве, самоувѣренно заявлялъ, что никогда „австрійскій папъ не будетъ служить въ алтаряхъ Рогожскаго кладбища“, что „скорѣ Волга потечетъ вверхъ, чѣмъ правительство допустить это“. Оппонентъ поставилъ въ заслугу правительству и то, что на VI всероссийскомъ съѣздѣ старообрядцевъ признано такое равноправіе половъ, какого пока нигдѣ будто нѣтъ. Но я никакъ не могу додуматься, какъ можно это доброе дѣло съѣзда поставить въ заслугу правительству, которое, вопреки требованіямъ справедливости и громкимъ заявленіямъ русского общества, ставить женщину въ своеѣ законодательствѣ въ одну рубрику съ несовершеннолѣтними и уголовными преступниками. По заявлению оппонента правительство устроило множество музеевъ. Но гдѣ же это „множество?“ — Укажите хотя десять музеевъ, созданныхъ не на частныя средства. Оппонентъ поставилъ въ заслугу самодержавію и то, что

оно допускаетъ свободное распространеніе не цензурныхъ книгъ и изданій, напримѣръ старообрядцами, и что у него на глазахъ старообрядческіе начетчики открыто обличаютъ государственную церковь и ея наемныхъ представителей. Но вѣдь при всемъ желаніи правительство и не можетъ ничего съ этимъ подѣлать. Жизнь переросла узкія рамки „закона“, въ которыя ее насильно втискали, она бьетъ ключемъ и властно отвоевываетъ свои права; никакая сила въ мірѣ не можетъ остановить хода жизни. До самаго послѣдняго времени это хваленое правительство, пока перевѣсъ силъ былъ на его сторонѣ, и начетчиковъ, и ихъ литературную дѣятельность яростно преслѣдовало. Кто изъ видныхъ начетчиковъ не посидѣлъ въ тюрьмѣ и даже заточеніи, кого не мучили судебнай волокитой? Даже черезъ нѣсколько дней послѣ указа 17 апрѣля поліція и миссіонеры ограбили Егорьевскихъ старообрядцевъ, отобравъ у нихъ собственныя библіотеки. Вотъ и всѣ мнимыя заслуги самодержавія предъ Россіей, на которыхъ указалъ оппонентъ. Что касается приведенныхъ имъ бездарныхъ стиховъ бездарнѣйшаго стихоплета (Муравлива), то ихъ и разбирать не стоитъ, такъ какъ они полны внутреннихъ противорѣчій и сами себя взаимно уничтожаютъ. Какъ вы видите, гг., оппонентъ не могъ ослабить ни одного положенія въ моемъ докладѣ.

Я перехожу къ замѣчаніямъ г. Зенина. Онъ говорилъ, что теперь всѣ только разрушаютъ, но лучшаго ничего создать не въ состояніи. Если это относится къ русскому народу, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, то говорить такъ, по меньшей мѣрѣ, неосновательно и преждевременно. Разбейте сначала его кандалы, выпустите его на свободу и дайте ему возможность приступить къ созидательной работѣ; тогда только вы будете имѣть право оцѣнивать народъ по результатамъ его творчества. А сейчасъ за него и отъ его имени говорить и дѣйствуетъ кучка узурпаторовъ и непрошенныхъ радѣтелей, по работѣ которыхъ нельзя судить о русскомъ народѣ. Оппонентъ указываетъ на „Австрію, прославленную страну свободы“ (?), имѣющую конституціонный строй, гдѣ народъ, по его словамъ, живеть нисколько не лучше нашего. Но, во первыхъ, кто же считаетъ Австрію образцовымъ государствомъ и „прославленной страной свободы?“ Вѣдь всѣмъ известно, что Австрія занимаетъ, по своему государственному строю, одно изъ самыхъ послѣднихъ мѣстъ среди европейскихъ государствъ, такъ какъ тамъ нѣтъ всеобщаго и равнаго избирательного права, и, значитъ, народная масса устранена отъ государственной работы, а заправляютъ дѣлами классъ дворянъ, поповъ и богачей. А во-вторыхъ, развѣ кто говоритъ, что одно слово „конституція“ сразу сдѣлаетъ въ Россіи рай? И развѣ кто-нибудь видитъ въ парламентаризмѣ панацею отъ всѣхъ бѣдствій, золъ и несчастій? Конституція только уничтожить остатки крѣпостныхъ отношений, развязеть народу руки, дасть ему возможность свободно, безъ тормазовъ, развиваться и бороться за свое счастье и лучшее будущее, дасть возможность безъ помѣхи использовать всѣ свои духовныя и материальныя силы и способности. Эту борьбу мы и видимъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Успѣхи, конечно, неодинаковы, но тѣмъ не менѣе постепенно, съ желѣзной необходимостью, борьба эта направляется къ духовному раскрѣпощенію и материальному освобожденію всего трудящагося люда. Во всякомъ случаѣ, въ Австріи народъ, если взять его жизнь въ цѣломъ, живеть хотя и незавидно, но все-таки лучше нашего и несравненно лучше того, чѣмъ онъ жилъ до 1848 года, при своихъ самодержцахъ. По мнѣнію оппонента, очевидно, нужно сидѣть, сложа руки, и, не надѣясь устроить жизнь лучше, терпѣть, какъ кучка людей безбожно расхищаетъ народное достояніе и топчетъ права народа: свободу со-

вѣсти, устнаго и печатнаго слова и личности, потому что въ Австріи, напримѣръ, люди и при конституціи еще не добились того, чего желаютъ. Но тамъ многаго люди уже и добились. Тамъ предоставлена каждому человѣку возможность безъ помѣхи развить свои способности и пользоваться всѣми своими силами; тамъ всякий можетъ вѣрить, какъ ему угодно, говорить и писать, что и гдѣ угодно, соединяться съ другими въ какие угодно союзы; тамъ предъ закономъ всѣ равны, всѣ поставлены на одну доску — и придворный, и министръ, и богачъ, и послѣдній бѣднякъ, а главное — тамъ самъ народъ, хотя въ Австріи и не весь, опять таки по ухищреніямъ своего правительства, вершить, въ лицѣ выборныхъ, свою судьбу, издаетъ законы, назначаетъ налоги, разрѣшаетъ правительству производить расходы и учитаетъ правительство. А если тамъ не даютъ воровать — возить по желѣзнымъ дорогамъ бесплатно цѣлые тюки багажа, то за это можно только похвалить, потому что люди строго дорожатъ законностью, не нарушая, какъ у насъ, правиль, обязательныхъ для всѣхъ безъ исключенія. Вѣдь если у насъ взять пуды багажа бесплатно, контрабандой, то во всякомъ случаѣ это отзывается на карманъ народа, на средства котораго содержатся казенные желѣзныя дороги. Указалъ оппонентъ и на наше земство, гдѣ будто бы самъ народъ вѣдаетъ свои интересы, гдѣ будто бы есть и контроль народный. Но, во-первыхъ, изъ чего вы заключили, что въ земствѣ самъ народъ вершитъ дѣла и производить контроль? Развѣ вы не знаете, что, по положенію 1890 года, гласныхъ въ земство могутъ выбирать почти исключительно дворяне, да и то владѣющіе нѣсколькими сотнями десятинъ земли? Гдѣ же тутъ народъ? Но и такое куче земство кое-что сдѣлало для народа, во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ самодержавное правительство. Оно дало народуграмоту (до него народныхъ школъ не было), дало ему медицинскую помощь и дороги. И если дѣятельность земства пока слаба, если школъ во многихъ мѣстахъ не хватаетъ, если земская медицина пока малодоступна массѣ и представляетъ каплю въ морѣ народныхъ страданій, если дороги заставляютъ ждать очень многаго, то это во-первыхъ потому, что нѣть въ земствѣ народного контроля, такъ какъ народъ отстраненъ отъ земского дѣла, а во-вторыхъ и потому, что у земства не хватаетъ средствъ удовлетворить бездиу народной нужды и горя, такъ какъ народъ обезсиленъ, съ него земству и братъ нечего, а правительство тормозитъ дѣятельность земства на пользу народа, само же, ежегодно выкачивая, какъ насосомъ, изъ народного кармана 2,000,000,000 рублей, тратить ихъ, Богъ вѣсть куда, или распредѣляетъ по своимъ карманамъ, не давая на мѣстныя нужды ни гроша. Оппонентъ говоритъ: „Земства грабятъ“. Но по статистическимъ даннымъ всѣ русскія земства собираютъ съ народа въ годъ около 200,000,000 рублей и какъ-никакъ расходуютъ ихъ на мѣстныя нужды, иногда, конечно, и не безъ злоупотребленій. Но укажите, какія мѣстныя нужды удовлетворяетъ и сколько ежегодно отпускаетъ на это средства правительство, которое ежегодно сдираетъ съ народа въ 10 разъ больше земства? Оппонентъ въ заключеніе думаетъ, что никакая конституція, никакой строй не принесутъ намъ пользы, пока мы сами не исправимся. Что сказать на это? Несомнѣнно, конечно, что личные качества индивидуумовъ въ извѣстной степени влияютъ и на общий складъ общественной жизни. Но строить обновленіе общественной жизни исключительно путемъ усовершенствованія отдѣльныхъ личностей — значитъ откладывать дѣло въ безконечно долгій ящикъ. Вѣдь несомнѣнно, что каждая личность создается такой, какой она есть, благодаря извѣстнымъ экономическимъ и общественнымъ условіямъ, средѣ, обстановкѣ и

воспитанію. Значитъ, безъ наличности извѣстнаго общественаго строя, извѣстныхъ условій и обстановки, и отдельная личности, и все общество не могутъ совершенствоваться, не могутъ слѣдиться не такимъ, каковы они есть;— каждого человѣка отъ рожденія гнетъ какая-то посторонняя сила по извѣстному желательному ей шаблону, а созданная общественными условіями среда и обстановка коверкаетъ, уродуетъ и развращаетъ его. Для того, чтобы народная нравственность росла, необходимо народу дать знанія и просвѣщеніе, необходимо дать выходъ его духовнымъ стремленіямъ и интересамъ; а развѣ это возможно безъ наличности политической свободы? Т. Е. Мельниковъ тоже почему то распинается за правительство, стараясь обѣлить его, хотя изъ всѣхъ присутствующихъ никто, сколько мнѣ извѣстно, не потерпѣлъ отъ этого правительства столько, сколько онъ самъ. Онъ хочетъ увѣрить, что правительство принесло народу не больше зла, чѣмъ самъ себѣ народъ, что народъ развратенъ, продаженъ, корыстолюбивъ, жестокъ, эгоистиченъ и погрязъ въ пьянствѣ. Но вѣдь, во первыхъ, въ мірѣ все имѣть свою причину, а во-вторыхъ не во всѣхъ странахъ и не въ одинаковой мѣрѣ пьянство, развратъ, проституція и жестокость развиты. Чѣмъ народъ просвѣщеніе и трудолюбивѣ, тѣмъ меньше преданъ такимъ порокамъ. Это показываетъ, что причины этихъ пороковъ лежать не въ самихъ людяхъ, а виѣ ихъ— въ исторіи народа, въ его невѣжествѣ, въ общественныхъ условіяхъ, въ соціальныхъ и экономическихъ факторахъ, которые въ свою очередь тѣсно связаны съ политическимъ строемъ. Укорять народъ въ пьянствѣ непослѣдовательно людямъ, обѣляющихъ самодержавное правительство, которое прямо заинтересовано въ распространеніи пьянства, получая отъ торговли алкоголемъ львиную долю государственныхъ доходовъ. Сторонникамъ самодержавія не къ лицу укорять народъ и въ жестокости и эгоизмѣ, потому что правительство само культивируетъ жестокость и эгоизмѣ, сохранивъ, вопреки народной волѣ и сознанію, смертную казнь и чуть не молясь на казацкія пули, нагайки и пулеметы, съя шовинизмѣ и раздувая, въ своихъ интересахъ, чувство націонализма въ самой узкой и грубой его формѣ. А о продажности и корыстолюбіи лучше ужъ совсѣмъ не упоминать. Въ какой степени надѣлена этими качествами наша самодержавная бюрократія—достаточно показала война съ Японіей. Вотъ, гг., и всѣ замѣчанія по поводу моего доклада. Если еще никто не желаетъ высказаться, то позвольте считать вопросъ исчерпаннымъ и поставить его на баллотировку.

Собрание признаетъ вопросъ исчерпаннымъ.

Предсѣдатель: „Существующій государственный строй соответствуетъ ли интересамъ и благосостоянію народа“.

Вопросъ решенъ подавляющимъ большинствомъ отрицательно.

Предсѣдатель: На очереди слѣдующій вопросъ программы: „Нужно ли народное представительство?“

Вопросъ решенъ единогласно въ положительномъ смыслѣ.

Предсѣдатель: На очереди слѣдующій вопросъ: „Народное представительство решающій или совѣщательный должно имѣть голосъ?“. Рѣшающій голосъ“ народное представительство имѣть тогда, когда всякое его постановленіе, принятое большинствомъ голосовъ, верховная власть должна утвердить, и оно становится закономъ; при такомъ порядкѣ министры и администрація представляютъ собой только исполнительную власть, подконтрольную народнымъ представителямъ. „Совѣщательный голосъ“ палата народныхъ представителей

имѣть тогда, когда спрашиваютъ только ея мнѣніе, съ которымъ вовсе не обязаны считаться, т. е. могутъ принять или не принять, такъ напримѣръ, если изъ 500 представителей 499 выскажутся противъ и 1 за, то правительство имѣть право сдѣлать и такъ, какъ желаетъ одинъ, а равно можетъ сдѣлать и безъ заключенія народныхъ представителей, проведя вопросъ лишь черезъ Государственный Совѣтъ, состоящій изъ отставныхъ чиновниковъ, никѣмъ не избранныхъ, а назначенныхъ верховной властью Предлагаю желающимъ высказаться по этому вопросу.

Ѳ. Е. Мельниковъ: При конституціонномъ строѣ съ рѣшающимъ голосомъ народного представительства необходимо образуются различные партіи, которые ведутъ между собою ожесточенную борьбу, и которая беретъ верхъ, та и заправляетъ всевластно судьбой народа. Въ нашихъ засѣданіяхъ выяснилось, что для благосостоянія необходимо просвѣщеніе, сытость, вообще экономическое благосостояніе. Но и въ конституціонныхъ государствахъ этого нѣтъ. Я самъ это видѣлъ, напримѣръ въ Румыніи, гдѣ все также богачи эксплоатируютъ народную массу и заправляютъ всѣмъ государствомъ. И не все ли равно, поэтому, народу—горемыкѣ, кто его дѣлаетъ несчастнымъ, кто имъ помыкаетъ и заставляетъ терпѣть голодъ и несчастія,—одно или нѣсколько лицъ, или цѣлая партія, часто совершенно случайно берущая верхъ на выборахъ и, во всякомъ случаѣ, не представляющая собою выраженія мнѣній всего народа?

Предсѣдатель: Бояться того, что образуются партіи—нечего. Все равно и теперь во всякомъ дѣлѣ партіи есть, но только онѣ не выступаютъ открыто, а дѣйствуютъ закулисными средствами, въ потемкахъ. А тогда онѣ выступятъ открыто и будутъ дѣйствовать при свѣтѣ гласности, на виду у всего народа; въ этомъ громадная разница. Тогда всякий по совѣсти, открыто и свободно можетъ примкнуть къ той партіи, которая соответствуетъ его убѣженіямъ. И если при такомъ положеніи дѣла народъ будетъ выбирать людей той партіи, которая вредить народнымъ интересамъ, то это покажетъ, что народъ еще темень, не можетъ пока разобраться, но что съ развитіемъ просвѣщенія онъ пойметъ все и не выберетъ уже своихъ враговъ, которые лишь на словахъ выдаютъ себя за друзей народа. А то, что партіи ведутъ борьбу между собою, неизбѣжно, потому что сама жизнь есть вѣчная борьба, совершающаяся по известнымъ историческимъ и экономическимъ законамъ. Окиньте взглядомъ человѣческую исторію отъ вѣка и до нынѣ, взгляните кругомъ себя, вездѣ борьба, безъ которой развитіе человѣчества остановилось бы. Сколько бы ни указывали недостатковъ въ управлѣніи конституціонныхъ государствъ—все это показываетъ только то, что народъ еще не умѣеть вполнѣ пользоваться своими правами, что въ немъ еще слабо развито классовое самосознаніе, что онъ, благодаря тому, что не успѣлъ достаточно развиться и вырваться изъ тьмы, въ которой его намѣренно держали, плохо еще разбирается въ людяхъ и взглядахъ, если избираетъ такихъ представителей, которые отстаиваютъ не народные интересы, а интересы кучки богачей и привилегированныхъ сословій. Значить все дефекты въ управлѣніи западно-европейскихъ государствъ нельзя ставить въ вину парламентаризму, а нужно ставить на счетъ недоразвитости, а иногда равнодушія и апатіи народныхъ массъ, въ чемъ виноваты опять таки правительства, долго державшія народъ во тьмѣ и невѣжествѣ.

І. К. Перетрухинъ: Я стою за полноправное народное представительство, съ рѣшающимъ голосомъ, потому что незачѣмъ и созывать народныхъ

представителей, если самодержавное правительство оставляет за собой право, пользуясь грубой физической силой, поступать по своему усмотрѣнію, не обращать вниманія на рѣшенія народного представительства. Напримѣръ, народные представители рѣшать, что необходимо для народного блага дать свободу совѣсти, личности, собраній и союзовъ, необходимо обеспечить трудящуюся крестьянскую массу такимъ количествомъ земли, сколько способенъ каждый обработать своимъ личнымъ трудомъ, необходимо сложить съ народа лишніе тягостные налоги, необходимо облегчить трудъ фабрично-заводскихъ рабочихъ, а самодержавное правительство можетъ не согласиться съ этимъ, и совѣщательное народное представительство ничего не сможетъ съ этимъ подѣлать, такъ какъ его дѣло не законы прописывать, а только „высказать свое мнѣніе“.

Собрание поручило протоколъ III засѣданія подписать предсѣдателю.

Хотя вопросъ о характерѣ народного представительства остался не решеннымъ, но за позднимъ временемъ рѣшеніе его отложено до IV засѣданія, и третье засѣданіе объявлено закрытымъ. Слѣдуетъ подпись предсѣдателя.

Протоколъ частнаго собранія членовъ VI всероссійскаго съѣзда старообрядцевъ въ Н.-Новгородѣ.

4 засѣданіе 10 августа 1905 года.

Предсѣдатель В. Е. Макаровъ объявляетъ 4 засѣданіе открытымъ и предлагаетъ избрать новаго предсѣдателя.

Собрание избираетъ прежняго предсѣдателя.

Предсѣдатель, возвращаясь къ неоконченному въ З. засѣданіи вопросу о рѣшающемъ или совѣщательномъ характерѣ народного представительства, предлагаетъ по этому вопросу выслушать изъ „Русскихъ Вѣдомостей“ заявление 13 выборныхъ московского биржевого общества.

По прочтеніи заявленія, предсѣдатель ставить на баллотировку вопросъ: „Народное представительство рѣшающій или совѣщательный должно иметь голосъ?“

Собрание, большинствомъ противъ одного, признаетъ: „Рѣшающій“.

Предсѣдатель ставить на обсужденіе послѣдній вопросъ, подлежащий рѣшенію собранія: „Какая должна быть система выборовъ въ народные представители?“ и для удобства предлагаетъ разбить его на нѣсколько частныхъ вопросовъ.

Собрание соглашается.

Предсѣдатель предлагаетъ рѣшить: „Должны ли выборы быть по словіямъ?“

Рѣшено: „Не должны“.

Предсѣдатель ставить вопросъ: „Должно ли ограничивать достигшихъ гражданского совершенолѣтія избирателей и избираемыхъ имущественнымъ или образовательнымъ цензомъ?“

Рѣшено единогласно: „Не должно“.

Предсѣдатель ставить вопросъ: «Должно ли ограничивать избирателей и избираемыхъ цензомъ осѣдлости, т. е. требованиемъ прожить до выборовъ определенное время въ данномъ мѣстѣ»?

Рѣшено: „Не должно“.

Предсѣдатель ставить вопросъ: „Слѣдуетъ ли предоставить женщинамъ право избирать и быть избираемыми“?

Рѣшено: „Слѣдуетъ“.

Предсѣдатель ставить вопросъ: Прямые должны быть выборы или двухстепенные“?

Рѣшено: „Прямые“.

Предсѣдатель ставить вопросъ: „Какая должна быть на выборахъ подача голосовъ—открытая, или закрытая—тайная“?

Рѣшено: „Тайная“.

Предсѣдатель объявляетъ, что программа собранія исчерпана, и поэтому собраніе закрывается.

Предсѣдателю поручено собраніемъ подписать протоколы 3-го и 4-го засѣданія. Слѣдуетъ подпись предсѣдателя.

(Продолженіе слѣдуетъ).

же г. Свѣшниковъ, какъ хорошие люди поступаютъ. Видно не перевелись у настъ еще Титы Титычи!

Къ характеристику этого г. Свѣшникова не лишнимъ считаемъ сообщить, что будучи главнымъ попечителемъ и самымъ малымъ жертвователемъ казанского храма, онъ единственно изъ своего самодурства и своему „нраву не препятствуй“, все время тормозилъ переведенію церкви изъ плохого небольшого помѣщенія въ д. Карповой въ болѣе просторное и удобное помѣщеніе въ д. Новиковой. И почему общественники выбираютъ подобныхъ попечителей, а не замѣнять ихъ болѣе лучшими людьми, которые въ Казани еще, слава Богу, не перевелись, какъ напримѣръ, Х. Г. Шорниковъ, Четверговъ (младшій) и др.

Протоколы частнаго собранія старообрядцевъ послѣ VI Всероссійскаго съѣзда старообрядцевъ 2—5 августа 1905 г. въ Н.-Новгородѣ.

(Окончаніе¹).

Приложенія.

I.

„Вѣротерпимость“ по закону 17 апрѣля 1905 года.

Указъ 17 апрѣля настолько ясно опредѣлилъ начала вѣротерпимости, что, казалось, никакимъ ограничительнымъ толкованіямъ онъ подлежать не могъ. Создалась иллюзія, что вотъ и въ Россіи, наконецъ признана свобода совѣсти. Но радость была, какъ и слѣдовало ожидать, недолговѣчна. Административная практика кромсанія, въ видѣ „циркуляровъ и разъясненій“, немедленно же начала свое дѣло. И радужныя грезы оптимистовъ были безжалостно разбиты. Прежде всего старообрядцамъ дали понять, что „дарованныя“ имъ „льготы“ и „ милости“ — это только средство похудить ихъ признать свои „вѣковыя задолженія“ и что старообрядцы въ концѣ концовъ должны присоединиться къ „истинной господствующей церкви“... Затѣмъ былъ изданъ циркуляръ, требующій для перехода изъ казенной церкви въ другую вѣру особаго изслѣдованія каждого случая губернаторомъ, увѣщанія духовной власти и согласія губернатора... Варшавскій генераль-губернаторъ взялъ на себя трудъ разъяснить истинный смыслъ указа 17 апрѣля. Онъ напомнилъ жителямъ вѣренного ему края, что только православная церковь пользуется правомъ свободно распространять свое ученіе. „Лицамъ же прочихъ исповѣданій воспрещается склонять къ переходу

¹) Начало см. въ № 6, стр. 694—717.

кого бы то ни было въ ихъ религію. Виновные въ совращеніи изъ православія... подлежать суду по общимъ уголовнымъ законамъ"... Выборъ религіи, такимъ образомъ, опредѣляется не свободной совѣстью человѣка, а произволеніемъ губернатора. Все остается по старому, по прежнему... Съ одной стороны, какъ будто и есть свобода совѣсти (на бумагѣ), а съ другой, извольте сообразоваться съ циркулярами и волею и личными взглядами губернаторовъ... Все это показываетъ, что при самодержавіи иначе и не можетъ быть, и что только при полноправномъ всенародномъ представительствѣ возможна полная свобода совѣсти и вѣроисповѣданія. А русская вѣротерпимость даже по указу 17 апрѣля, если бы онъ и не былъ искаженъ и сведенъ къ нулю „разъясненіями“ и „циркулярами“, далеко не является свободой совѣсти въ полномъ смыслѣ этого слова. Этотъ указъ далеко не предоставляетъ каждому возможности вѣрить въ то, во что онъ хочетъ, или даже не вѣрить ни во что. Законъ 17 апрѣля есть по существу только норма, расширяющая льготы старообрядчества, а также инославныхъ и отчасти иновѣрныхъ исповѣданій. Невѣрующіе попрежнему должны официально принадлежать къ какой нибудь вѣрѣ или притворяться, что вѣрятъ, и церковь попрежнему должна исполнять унизительное для своей святости и достоинства дѣло — совершать принудительно таинства для невѣрующихъ. Принципъ остается старый и лишь въ награду за хорошее поведеніе, послѣ точного ознакомленія со старообрядчествомъ и сектантствомъ, признано возможнымъ отмѣнить нѣкоторыя изъ прежнихъ стѣсненій и ограниченій. Гоненія за вѣру остались въ полной силѣ для всѣхъ, кто, отказавшись отъ какой-нибудь христіанской вѣры, не переходитъ въ другую, тоже христіанскую вѣру. Религія продолжаетъ быть поводомъ лишенія гражданскихъ и политическихъ правъ еврея, котораго за вѣру отцовъ ссылаютъ въ черту осѣдлости, лишаютъ возможности образования, обращаютъ въ жалкаго парія среди остальныхъ народовъ Россіи. „Полицейское государство попрежнему торжествуетъ: оно по произволу милуетъ одни исповѣданія и караетъ другія, оно попрежнему создаетъ изъ религіозныхъ обществъ покорную ему іерархію духовныхъ властей, попрежнему оно ихъ опекаетъ и направляетъ, завѣдуетъ ихъ вѣроученіемъ, культомъ и внутренней дисциплиной. Попрежнему оно не признаетъ человѣческой личности съ ея міромъ нравственной свободы и, какъ и прежде, оно примѣняетъ мѣры насилия тамъ, где встрѣчаетъ религію, не умѣщающуюся въ нормы казеннаго благонравія, или религіозный энтузіазмъ, не желающій признавать монополію проповѣди господствующей церкви. Объ эту монополію религіозной пропаганды государственной вѣры разбивается вся русская вѣротерпимость. Не можетъ быть вѣротерпимости и равноправія религій и церковныхъ обществъ тамъ, где только одна церковь имѣеть монополію на высшую истину и право пропагандировать между всѣми народами и религіями въ государствѣ свою истину, где всякая проповѣдь должна умолкнуть предъ лицомъ привилегированаго міссионера, а всѣ религіозныя общества вынуждены молча и покорно раскрывать свои недра и выслушивать чуждое и враждебное имъ ученіе и безропотно переносить это вторженіе въ ихъ святое святыхъ. И духовная цензура слѣдить за тѣмъ, чтобы ни одно слово, опасное для привилегированной господствующей церкви не проникло въ сознаніе 140,000,000 населенія Россіи. Полицейскій надзоръ внутри каждой церкви и уголовное законодательство вѣдь ея наблюдаютъ за тѣмъ, что-бы не случилось „совращенія“, не произошло опять „государственного вреда“ или „хулы“ на такъ называемое „православіе“. Значитъ, указъ 17 апрѣля, смягчивъ только притѣсненія за вѣру, не далъ, собственно, ничего новаго.

II.

Нѣсколько словъ о войнѣ, положеніи русскаго народа и современномъ старообрядчествѣ.

Тяжелое и трудное время переживаетъ наша отчизна. Ручьями льется человѣческая кровь въ далекихъ и чуждыхъ намъ степяхъ Манчжуріи. Десятки тысячъ цвѣтущихъ жизней гибнутъ въ ненужной и никому непонятной войнѣ. Осиrotѣвшія семи несчастныхъ солдатъ, оставшіяся безъ помощи и призрѣнія, оглашаютъ убогія деревни голоднымъ воемъ. Все время и безпрерывно отправляютъ на войну созванныхъ запасныхъ. Уходятъ мужики изъ деревень, уходятъ рабочіе изъ городовъ; уходить вся рабочая сила, которая своимъ трудомъ кормить страну и куетъ ея благополучіе. Шлютъ на войну „храбрую армію“ и одновременно возвращаютъ армію нищихъ и калѣкъ. Сколько убитыхъ и раненныхъ, изувѣченныхъ, сколько вдовъ и сиротъ! Моръ, чума, холера, тифъ—ничто такъ не опустошаетъ страну, какъ война, хотя бы и побѣдоносная. Сколько слезъ и горя, разоренія, расходовъ и поборовъ съ народа! Сотни тысячъ рукъ, создавшихъ богатства страны, отправляются разрушать чужое добро, а на тоція плечи остающихся взвалена тяжелая контрибуція—кормить, одѣвать, обувать армію, снабдить ее порохомъ и человѣкоубийственнымъ оружиемъ и призвать инвалидовъ и семьи ушедшихъ въ Манчжурію. Русская земля стала жертвой смерти и нищеты. Въ промышленности—значительное сокращеніе работъ, въ торговлѣ и промыслахъ—застой. Земля исходить кровью въ когтяхъ жестокой нищеты. Народъ стонеть подъ гнетомъ безысходной нужды и горя. Но хуже всего то, что и впереди не видно ничего доброго. Миръ съ Японіей мало принесетъ намъ пользы, если останутся старые порядки. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, валить на войну все зло нашей жизни. Война пришла на готовое и, какъ простуда часто добываетъ больного человѣка, такъ и война нанесла послѣдній ударъ уже ослабленной и разоренной странѣ. Крестьянское хозяйство давно подорвано непосильными налогами и притѣсненіями. Истощенныя поля не даютъ уже и насущнаго хлѣба. Неурожай годъ за годомъ. Нищета и голодъ, въ случаѣ малѣйшаго недорода хлѣба, свирѣпствуютъ въ деревняхъ, такъ какъ, за отсутствіемъ сбереженій, благополучіе крестьянъ зависитъ всецѣло отъ неурожая текущаго года. Въ городахъ же богачи выжимаютъ послѣдніе соки изъ рабочихъ. Вследствіе бѣдности и постояннаго недовѣданія, среди населенія распространяются многочисленныя болѣзни. Здоровый и сильный народъ хирѣтъ и вырождается, смертность населенія увеличивается, процентъ преступности растетъ. Все это было известно задолго до войны; не въ ней поэтому корень зла. Она только усилила старую болѣзнь, только обнаружила скрытыя язвы.

Гдѣ же главное зло нашей жизни? Что дѣлать?—Вотъ роковые вопросы, которые невольно задаетъ себѣ каждый—до того внушителенъ урокъ, данный намъ въ этой несчастной войнѣ!

Главные причины безотраднаго положенія русскаго народа—его прошлая судьба, крупное землевладѣніе и финансово-экономическая политика нашего правительства. „Собираніе земли Русской“, объединеніе, а затѣмъ захваты чужихъ земель, политические успѣхи, достижение политического могущества и положенія первостепенной державы—все это нагубно отзывалось на положеніи народа,

который правительство приносило въ жертву Молоху политического могущества, а иногда и чисто-отвлеченнымъ теоріямъ и несбыточнымъ иллюзіямъ.

Чтобы легче добиваться своихъ цѣлей и какъ можно упрочить свое неограниченное владычество, правительство все пускало въ ходъ, ни передъ чѣмъ не останавливалось. Прежде всего правительство считало и считаетъ для себя опасными людей свободомыслящихъ, ученыхъ, образованныхъ, много думающихъ и читающихъ, вообще науку, свободу совѣсти, вѣрисповѣданій и слова, и все, что не подходило къ известному мѣрилу правительства и могло такъ или иначе ему мѣшать. Понятно, что все интеллигентное, искреннее, честное и живое, все мыслящее и сознательное, всѣ, кто не хотѣлъ напрасно потерять голову, быть соженнымъ или гнить въ крѣпостныхъ и монастырскихъ казематахъ и тюремахъ, должны были искать другую родину, или, оставаясь, наложить на уста печать молчанія.

Кромѣ стремленія упрочить свою власть и положеніе, правители и ихъ приспѣшники—знатныя дворянскія фамиліи и богачи употребляли всѣ усилия, чтобы увеличить свои материальныя средства, для чего лучшія земли и угодья присвоили себѣ или раздали своимъ приближеннымъ (иногда просто шутамъ, скоморохамъ и т. д.), закрѣпостили и жившихъ на нихъ работниковъ, принудивъ ихъ или на себя работать, или платить разорительные поборы (оброкъ а на свободныхъ (лично) обывателей налагая невыносимо тяжелые налоги. Вследствіе перехода земли въ руки правящихъ и привилегированныхъ классовъ—дворянъ и крупныхъ помѣщиковъ, закрѣпощенное сельское населеніе обречено было на рабство, страшную нужду, и тяжелая лишенія. Естественнымъ послѣдствиемъ такого положенія вещей было непроходимое невѣжество и, следовательно, совершенное отсутствіе возможности усовершенствованій въ земледѣліи и техникѣ. Земледѣліе поэтому пошло къ упадку.

До уничтоженія крѣпостного права въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ господствовалъ страшный произволъ, жестокость и грубое насилие надъ человѣческой личностью. Съ уничтоженіемъ крѣпостничества этотъ произволъ и насилие или уничтоженъ или ослабъ. Тѣмъ не менѣе и новый строй былъ созданъ такъ, что не уничтожилъ крайней материальной зависимости мужика отъ землевладѣльца и хозяина. Изъ земли, на которой испоконъ вѣковъ жили, которую воздѣлывали и на которую, поэтому, имѣли неоспоримое право крестьяне, имъ дана была только часть, по усмотрѣнію и выбору самихъ помѣщиковъ, за баснословно-высокую цѣну (выкупъ); помѣщики, конечно, въ своихъ интересахъ, размежевались съ крестьянами такъ, что большая часть земли и притомъ лучшіе участки, а также лѣсъ, выгоны, луга, воды, а отчасти даже дороги пришли въ ихъ владѣніяхъ. Въ большинствѣ случаевъ размежеваніе таково, что владѣнія помѣщика лежать между двумя участками крохотнаго „надѣла“ крестьянъ или врѣзываются въ нихъ клиномъ, иногда же находятся между деревней и крестьянской надѣльной землей. Эта такъ называемая „через-полосица“ сдѣлана, конечно, съ умысломъ, чтобы не выпустить мужика изъ ежовыхъ рукавицъ, держа его въ постоянной зависимости. Въ самомъ дѣлѣ, во всемъ со стороны помѣщика мужику „прижимка“: не усмотрѣль за скотиной, которая зашла на смежные барскіе луга или выгонъ,—тяжелый штрафъ; за пользованіе дорогой, проходящей барскими владѣніями, оброкъ; не хватаетъ мужику, вслѣдствіе прироста населенія, крохотнаго душевого „надѣла“—волей-неволей приходится землю брать въ аренду у помѣщика за цѣну, какая ему

вздумается, или еще чаще за половину урожая, съ нѣкоторыми другими тяжелыми обязательствами.

Въ силу всего этого, не смотря на личную свободу, крестьянинъ, какъ человѣкъ и гражданинъ, остается въ такой же экономической зависимости отъ владѣтельныхъ классовъ, какъ и прежде. Мало того, эта зависимость еще и усилилась, такъ какъ страшно. возросли обременительные налоги. Обложили налогами все, что только можно: движимую и недвижимую собственность, предметы первой необходимости—хлѣбъ, дрожжи, рыбу, домашній скотъ, чай, сахаръ, спички, керосинъ, орудія труда и т. д. Къ налогамъ казеннымъ, правительственныймъ, присоединяется еще масса налоговъ земскихъ, на общиныя нужды: на содержаніе школъ, врачей, больницъ, аптекъ, на устройство дорогъ, мостовъ и т. п. При этомъ, распредѣляя налоги между различными классами населенія, никакъ не соображаются съ ихъ материальнymъ положеніемъ: наибольшую долю налоговъ платятъ люди неимущіе, трудящіеся, живущіе скучнымъ дневнымъ заработкомъ, и мелкіе земельные участки обложены несравненно большими налогомъ, чѣмъ крупные.

Мало всего этого—изо всѣхъ силъ стараются искусственно поддерживать, насчетъ народа, крупное землевладѣніе верхнихъ сословій, всегда юхавшихъ верхомъ на терпѣливой шеѣ нисшаго сословія; для этого на послѣдніе гроши, выжатые изъ народа, достающіеся ему кровавымъ потомъ и трудомъ, устраиваютъ „дворянскіе земельные банки“ и „кассы взаимопомощи дворянъ“, проживающихъ свою жизнь въ бездѣльи, роскоши, разгулахъ, праздности и достаточности и вслѣдствіе этого запутавшихъ въ долгахъ или совсѣмъ прожившихъ свои земли.

Бѣдность народа возрастаетъ еще и вслѣдствіе усиленія тяжести воинской повинности. Большая часть государственныхъ доходовъ тратится на военные издержки. Усиленное вооруженіе заставляетъ брать въ солдаты миллионы рабочихъ рукъ и тѣмъ лишать семьи здоровыхъ, цвѣтущихъ членовъ, а все общество молодыхъ и сильныхъ работниковъ, создающихъ благосостояніе и мирное экономическое развитіе страны. Что же изъ этихъ отборныхъ людей дѣлаютъ? Въ мирное время, оторванные отъ семьи и труда, они—безполезные тунеядцы, прожигатели жизни, а въ военное время они—„пушечное мясо“ на аренѣ дикой, безчеловѣчной, отвратительной бойни, губящей лучшіе соки и цвѣтъ человѣчества, сущность которой узаконенное убийство, насилие, грабежъ, разореніе земли и уничтоженіе того, что мирнымъ, честнымъ трудомъ создавалось иногда цѣлыми вѣками.

Всѣ эти тяжести народу приходится выносить ради желанія правителей показать свой народъ въ роли первостепенной державы. Надѣльная земля перестала оправдывать даже насущныя нужды крестьянъ; поэтому бѣдность народа, особенно крестьянскаго сословія, дошла до того, что подати собирать приходится иногда не иначе, какъ при помощи вооруженной полиціи. Теряя послѣднее достояніе, крестьяне, доведенные до отчаянія, нерѣдко производятъ восстание, хватаются за оружіе, и дѣло кончается обыкновенно тѣмъ, что съ той и другой стороны падаютъ раненые и убитые. Вотъ до чего довели мирныхъ тружениковъ безземельемъ и убийственными налогами!

Словно неотвратимый рокъ виситъ надъ деревней! Крестьянинъ какъ будто навѣки обреченъ, не разсуждая, тянуть лямку, пахать землю и платить чудовищные налоги, самъ не зная за что и куда! Посмотрите на любую изъ нашихъ убогихъ деревень: всѣ избенки какъ будто доживаются свой вѣкъ—

срубы сърые, крыши, большей частью, изъ гнилой соломы, изгороди обломаныя, все покривилось набокъ, всюду торчить какая-нибудь черная подпорка, словомъ-всюду бѣдность. А пройдите по улицѣ: выбѣгутъ ребятишки — лица у всѣхъ темныя, одежонка худая, оборваная, а то и совсѣмъ полуоголые. На людяхъ бѣдность еще виднѣе, чѣмъ на жильѣ и на вещахъ. Давали ли вы себѣ когда-нибудь трудъ подумать: нормальна ли такая жизнь деревни? Гдѣ причины такой нищеты? Неужели одно пьянство? Но, вѣдь, и оно есть тоже слѣдствіе какой-нибудь другой причины. Да, вѣдь, не всѣ же мужики и пьютъ. Пьютъ вѣдь и богатые и даже гораздо больше. Странно, что, насаждая и поддерживая пьянство, собирая съ него львиную долю государственныхъ доходовъ, въ то же время обвиняютъ народъ въ пьянствѣ. Издавна таинется такая жизнь надъ забитой деревней, свыклись съ бѣдой своей мужики-бѣдняки, позабыли они, что человѣку на свѣтѣ можетъ быть и лучше этой доли, позабыли о своемъ человѣческомъ достоинствѣ. Загнанные, запуганные, невѣжественные, никого не видавшіе, кроме „большого строгаго барина“ — земскаго начальника, пьяныхъ писарей, прѣѣзжающихъ ехъ вимъ съ шумомъ за поборами, полицейскихъ, урядниковъ, потворствующихъ кражамъ, кулаковъ-міроѣдовъ и толстосумовъ, умѣюшихъ во всякомъ дѣлѣ прижать и обойти бѣднаго мужика, — они въ исконої бѣдѣ своей извѣрились въ правду, добро и во всякую милость.

Образованіе народа до самаго послѣдняго времени было весьма печально: дворянство и капиталисты, оказывающіе большое влияніе на управление страной, захвативъ въ свои руки громадныя земли и другіе источники богатства, которые по праву принадлежать народу, закрѣпостивъ материально и самый народъ, превративъ его въ живую машину или вьючное животное, взамѣнъ этого бросали и бросаютъ народу подачки въ видѣ грошовой благотворительности, а объ образованіи и просвѣщеніи народа они боятся и думать, считая просвѣщеніе ненужнымъ, лишнимъ и даже вреднымъ; да опо и на самомъ-то дѣлѣ опасно и вредно, только отнюдь не народу, а его поработителямъ и эксплоататорамъ, такъ какъ просвѣщенный крестьянинъ, само собою понятно, распутаетъ всѣ путы и страхиаетъ цѣли рабства.

То обстоятельство, что большая часть земель, притомъ лучшихъ, представлять крупныя помѣстія (очень часто по нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ, цѣною по нѣсколько десятковъ миллионовъ), принадлежащиа или знатнымъ фамиліямъ и царскимъ придворнымъ, или богачамъ и фабрикантамъ, скупившимъ громадныя земли, которые не живутъ въ помѣстіяхъ, не тратятъ своихъ доходовъ на деревню, а прожигаютъ жизнь въ городахъ и заграницей, краснорѣчиво говорить о томъ, что земледѣліе и сельское хозяйство не могутъ процветать; всѣ доходы дворянъ и богачей изливаются на города, а часто и совсѣмъ не остаются на родинѣ. Никто не дѣлаетъ въ сельскомъ хозяйстве ни малѣйшихъ улучшеній, да это и невозможно, такъ какъ поземельная собственность, орудія труда и почти все, что даетъ земля и сельское хозяйство, страшно обременены налогами, при которыхъ темному, полуголодному и полунагому крестьянину не до усовершенствованій.

Тяжелые налоги и плохое первобытное хозяйство дѣлаютъ то, что земля даетъ ничтожные доходы, и крестьяне, владѣющіе мелкими клочками земли, никакъ не могутъ прокормиться землей. Изъ дохода съ земли крестьянину необходимо не только прокормить круглый годъ свою семью, но выплатить всѣ подати и налоги — массу самыхъ разнообразныхъ взносовъ и поборовъ, не говоря уже о тяжеломъ бремени натуральной повинности. Въ неурожай даже и

крупному землевладѣльцу изъ крестьянъ не приходится продавать произведеній своей земли, а въ урожайный годъ крестьянинъ не можетъ сбыть ихъ по настоящей цѣнѣ, такъ какъ, вслѣдствіе нужды, приходится продавать ихъ немедленно. Дороги ужасно плохія, прямо первобытныя; доставка продуктовъ земледѣлія куда-нибудь подальше требуетъ большихъ расходовъ и большой потери времени въ рабочую пору; крестьянинъ вынужденъ продавать весь свой остатокъ на мѣстѣ и безвременно скупщикамъ, кулакамъ и т. д. Понятно, что при такихъ условіяхъ крестьянину, владѣющему клоцкомъ земли невозможно прокормиться, такъ какъ всѣ предметы потребленія обложены высокими налогами; съ убитой скотины, за помоль хлѣба, съ дома, съ семьи, даже за двери и окна, т. е. за пользованіе свѣтомъ Божиимъ—со всего берутъ пошлину, все, кроме воздуха, обложено (косвенные налоги).

И вотъ бѣдный „Антонъ-Горемыка“ бросаетъ землю и идетъ на мытарства—на отхожіе промыслы, бѣжитъ въ города, на фабрики и заводы. Въ большинствѣ случаевъ крестьянинъ знаетъ, что шагубна для него эта фабрика, да ничего не подѣлаешь—нужда! Работу на сторонѣ, особенно на фабрикахъ и заводахъ найти чрезвычайно трудно, а за ту, какая попадется, вслѣдствіе конкуренціи и избытка рабочихъ рукъ, платить такъ мало, что на заработокъ невозможно по человѣчески существовать—едва хватаетъ на дневное пропитаніе. Вслѣдствіе всего этого крестьянство такъ обнищало, что ему очень трудно поправиться, тѣмъ болѣе, что подати (особенно косвенные налоги) и различные поборы непрерывно увеличиваются; все обложено, все стонеть и гнется подъ тяжестью чрезмѣрныхъ налоговъ; наконецъ, коренная причина бѣдности народа—крупное частное землевладѣніе остается въ силѣ.

И вотъ при такомъ-то обнищаніи народа правительство направило всѣ свои силы на искусственное развитіе въ Россіи крупной обрабатывающей фабрично-заводской промышленности, которое и было положено, лѣтъ 25 тому назадъ, въ основаніе нашей финансово-экономической политики. Чтобы сосредоточить въ рукахъ правительства громадныя средства для осуществленія намѣченной цѣли, эта политика требовала безпощаднаго обложенія мужика, главнаго плательщика налоговъ, высокими налогами. Деревня отъ чрезмѣрного напряженія платежныхъ силъ населенія изнемогала, а государственный бюджетъ все росъ и дошелъ до колоссальной цифры 2,000,000,000 рублей. Разумно ли, нормально ли это? Народъ бѣденъ, голоденъ, теменъ, некультуренъ, безграмотенъ, и вдругъ ему навязываютъ двухъ-милліардный бюджетъ, преподносятъ металлургическую и мануфактурную промышленность, предлагаютъ кататься на желѣзныхъ дорогахъ, щеголять броненосцами, подводными лодками, безпроводочнымъ телеграфомъ и т. д. Господа! Вы накормите и просвѣтите его сначала, и тогда онъ самъ безъ вашихъ непрошеныхъ медвѣжьихъ услугъ, когда окажется нужно, все это легко созастъ. Вы забыли изреченіе Христа, что „не вливаютъ въ старые мѣхи новаго вина“, и что пагубно заставлять темный и бѣдный народъ щеголять плодами западно-европейской культуры, оставляя въ неприкосновенности патріархальный строй жизни и существующій порядокъ правленія; это все равно, что пальму изъ тропическихъ странъ пересадить на сѣверъ. Ваша политика похожа на то, если дѣлать желѣзную крышу и дорогую рѣзьбу на домѣ въ то время, какъ фундаментъ разваливается, а стѣны худыя и гнилыя, или на то, если принуждать мужика носить цилиндръ, пенснѣ, часы и замшевые перчатки, тогда какъ у него даже на сермягу и лапти едва хватаетъ. Не указывайте на примѣръ Запада, съ которымъ вы желаете вырав-

няться въ промышленномъ отиошениі, но обречены всегда идти въ его хвостъ. Тамъ промышленность развилась естественнымъ путемъ, такъ какъ, при густотѣ населенія, всѣмъ заниматься земледѣліемъ стало невозможно. Не забывайте еще, что тамъ народъ культурный, способный, при меньшей затратѣ труда, извлечь изъ естественныхъ богатствъ природы, изъ земли и изъ всего, за что берется, возможно больше выгодъ. Совсѣмъ не то у насть—невѣжественныхъ сыновъ страны, по преимуществу, патріархально-земледѣльческой. Частые промышленные кризисы и паденіе цѣнъ, вслѣдствіе перепроизводства и плохого спроса, до очевидности ясно доказываютъ, что положеніе нашей фабрично-заводской индустріи ненормально, что она создана искусственно, что у нея нѣтъ надежного рынка и достаточнаго сбыта, и что она не можетъ существовать безъ правительственной поддержки, рискуя тогда лопнуть, какъ мыльный пузырь. Заграницу наши фабрикаты почти совсѣмъ не идутъ, а внутри страны обнищавшее населеніе почти ничего не покупаетъ. Нужно или пріобрѣсти, конечно путемъ войны, вѣшніе рынки, что въ нынѣшнія времена стало счень трудно, или заручиться надежнымъ внутреннимъ рынкомъ, поднявъ благосостояніе народа, упрочивъ его покупательную способность и увеличивъ потребленіе.

Кажущіеся успѣхи нашей промышленности оказали дурные и печальные результаты не только на крестьянство, подрывая его налогами, идущими на эту промышленность, но и на рабочихъ—этихъ добровольныхъ крѣпостныхъ, за ничтожное вознагражденіе выполняющихъ каторжный трудъ въ невозможной обстановкѣ. Раньше, когда были небольшія мастерскія и фабрики, рабочіе какъ бы входили въ семью своего хозяина, который раздѣлялъ съ ними трудъ, близко входилъ въ ихъ интересы и переживалъ вмѣстѣ съ ними черные дни безработицы и радостные дни успѣха. Но съ появлениемъ миллионныхъ фабрикъ и заводовъ словно стѣна выросла между предпринимателемъ и рабочими. Положеніе сдѣлалось неравно, а интересы прямо противоположны. Съ одной стороны миллионеръ, ворочающій громаднымъ капиталомъ и дѣлами, съ другой—темный, загнанный бѣднякъ. И по мѣрѣ того, какъ первый все богатѣлъ, второй, вслѣдствіе этого, все болѣе нищалъ и бѣднялъ, потому что, какъ горы богатства выростаютъ, высасывая изъ окружающей среды соки и тѣмъ распространяя вокругъ себя пустыню нищеты. Печальнѣе всего то, что рабочіе часто остаются и вовсе безъ дѣла, не находя его и за ничтожную плату. Съ усовершенствованіемъ техники, со введеніемъ въ фабрично-заводскомъ производствѣ различныхъ реформъ, множество рабочихъ оказались лишними и были выброшены на улицу, не зная куда дѣться. За земледѣліе они не могутъ взяться, такъ какъ совсѣмъ не приспособлены; да и послѣдніе земледѣльцы, вслѣдствіе безземелья и непосильныхъ налоговъ, бросаютъ землю, не будучи въ состояніи ею прокормиться и идти на ту же фабрику и заводъ. Владѣльцы фабрикъ и заводовъ отлично понимаютъ безвыходное положеніе этихъ людей и усердно выжимаютъ изъ нихъ все, что только можно. Выносливость рабочихъ прямо поразительна.—Не такъ далеко то время, когда работали, почти безъ перерыва, по 17 и даже по 20 часовъ въ сутки. Женщины и дѣти вынуждены работать при тѣхъ же самыхъ условіяхъ. Все это отражается прежде всего, конечно, на здоровье этихъ несчастныхъ рабочихъ. Дѣйствительно, на нихъ просто жалко смотрѣть. Испитые, блѣдные, или съ желтыми и землистыми лицами, съ глубоко-виавшими глазами—они походить на людей, выздоравливающихъ послѣ болѣзни, но никакъ не на здоровыхъ. И какъ-то не хочется вѣрить, что эти полубольные люди много лѣтъ подрядъ ежедневно выносятъ такую работу, которая здоровому и сильному не подъ

силу. Еще меньше вѣрится, что невзыскательности и выносливости этихъ симпатичныхъ, дурно оплачиваемыхъ тружениковъ страна обязана своими промышленными успѣхами. Особенно жаль женщинъ. Онъ слабѣе мужчинъ, и жестокій фабрично- заводской режимъ, и къ нимъ точно примѣняемый, проводить преждевременно глубокія морщины на ихъ рано старѣющихъ лицахъ. Еще болѣе жаль подростковъ. Какие они всѣ скучные, апатичные, изможденные, чахлые и хрупкіе. Не слышно смѣха и дѣтской возни, не видно веселыхъ глазъ и здороваго румянца на дѣтскихъ лицахъ въ закошенныхъ и мрачныхъ фабричныхъ казармахъ и поселкахъ. Какъ на кладбищѣ—здесь тихо и уныло. Какъ тѣни, подвигаются рабочіе торопливой, дѣловой походкой—вѣдь работа не ждетъ, а за малѣйшее опозданіе, иногда даже въ одну минуту, немилосердно штрафуютъ. И только громыханье гигантскихъ машинъ, стукъ колесъ, лязгъ, трескъ и грохотъ желѣзныхъ частей со всѣхъ сторонъ напоминаютъ, что вокругъ кипитъ могучая жизнь и дѣятельная работа, что въ этихъ грандозныхъ, прокопченныхъ стѣнахъ, съ высокими трубами, выбрасывающими искры, дымъ и пары, какъ говорять, куется промышленное могущество страны. И сколько жизней, сколько крови, силь и здоровья уносятъ фабричныя трубы въ облака и разносятъ по вѣтру вмѣстѣ съ дымомъ и пламенемъ! Сколько надеждъ разбивается это грохочущее чудовище, „кующее промышленное могущество страны“! Всльдствіе иенормального положенія промышленности создался, такимъ образомъ, и рабочій вопросъ со всей его остротой.

Не взирая на крайнюю иенормальность и напряженность налогового бремени и пошлинъ, которые сильно отзываются на спинѣ и хозяйствѣ простого рабочаго люда, „нужды государства“ требуютъ все новыхъ расходовъ и затратъ, а между тѣмъ сельское хозяйство—основа нашего народнаго богатства и благополучія—съ каждымъ годомъ ухудшается, быстро идя къ совершенному упадку. Правительство дѣлаетъ массу затратъ на дорогія желѣзнодорожныя сооруженія, приносящія намъ сплошной убытокъ, но еще болѣе истощаетъ оно казну громадными расходами на увеличеніе арміи и флота, на ихъ вооруженіе и перевооруженіе. Откуда же правительству взять денегъ на всѣ подобные расходы, если страна доведена до того, что въ ней уже и брать почти нечего? Приходится дѣлать громадные разорительные займы у иностранныхъ капиталистовъ. Сумма государственныхъ долговъ поэтому неимовѣрно возросла. Одна уплата процентовъ по займамъ заставляетъ постоянно увеличивать налоги или дѣлать новые займы. Всльдствіе этого кредитъ страны падаетъ, государственные, процентныя и другія гарантированныя правительствомъ бумаги обезцѣниваются, банки уменьшаютъ ссуды своимъ клиентамъ, всльдствіе чего торговля падаетъ. Ясно, что финансово-экономическая политика нашего правительства истощила страну, разстроила государственное хозяйство, свела на пѣть платежныя силы народа, подорвала его экономическое благосостояніе, разоривъ главную его массу—крестьянъ косвенными налогами, податями и повинностями и доведя весь трудовой рабочій людъ чуть не до голодной смерти. И удивительно теперь уже не то, что правительство беретъ, а то, что народъ все еще даетъ, допуская безнаказанно расхищать государственную казну и безконтрольно расходовать трудовыя народныя деньги на дѣла, народу чуждыя, нежелательныя и непонятныя, и на рискованныя предприятия, ничего не говорящія русскому сердцу и вредныя для народа. Сто тридцать миллионовъ населенія необъятной Россіи правительство, такимъ образомъ, превратило во столько же миллионовъ нищихъ, голодныхъ, невѣжественныхъ, подневольныхъ, безгласныхъ и безправныхъ рабовъ.

Присмотритесь внимательно къ человѣческой толпѣ, и вы поймете, до какого состоянія доведенъ человѣкъ, созданный по образу Божію, безнравственной политикой насилия, безправія и обезличивания. Въ этомъ потокѣ головъ, въ этомъ млечномъ пути глазъ, голубыхъ, сѣрыхъ, черныхъ, вы не найдете ничего оригинального, сильного, ничего стоящаго мысли! Не на чѣмъ остановить вниманіе, отдохнуть взглядомъ! Какъ много головъ, глазъ и какъ мало людей! Тупость и безхарактерность настолько покрыла всѣхъ своей ледяной корой, что кажется, будто это бездушные манекены, трудно даже опредѣлить, какому народу, какому мнѣнію принадлежать эти люди, чѣмъ они живы, что ихъ волнуетъ. Подъ улыбками не видно выраженія, въ словахъ нѣть трезвой мысли, подъ одеждой — сердца и души. Прислушайтесь къ безконечной трескотѣ разговоровъ: сплошное умноженіе нуля, переливаніе изъ пустого въ порожнее, шутовство и бравада пошлости! Сколько вицъяго шуму, пышности и блеска и какъ мало простой порядочности, теплоты и искренности! Сколько притворной добродѣтели и въ то же время — лжи и неестественности въ этой толпѣ громкихъ и красивыхъ словъ! Хотя у всѣхъ на умѣ одно стремленіе къ маленькому „мѣщанскому“ счастью, одна цѣль: много и вкусно Ѵсть, пить и имѣть женщину вообще утробные интересы на чужой счетъ, или при самой малой затратѣ труда, но, чтобы скрыть свое духовное убожество, уродство мысли, ничтожество чувствъ и безсиліе воли, всѣ кривляются на разныя лады, прикрываясь модными фразами и ходящими теоріями. Никому и въ голову не приходить подумать: да такъ-ли мы живемъ? Нормально-ли? разумно-ли? по человѣчески ли? по Божески ли? И за что такая разница между людьми, когда предъ лицемъ правды Божіей всѣ равны? Отчего одинъ живеть въ изобиліи и пресыщается, не работая, а другой не всегда имѣть даже кусокъ насущнаго хлѣба, хотя упорно работаетъ, выбиваясь изъ силъ, чтобы прокормить себя и семью?! Что одинъ сдѣлалъ такого, чтобы заслужить свое благополучіе, и чѣмъ провинился другой, что на его долю выпалъ столь плачевный жребій?

Порочная и развращенная политика правительства, не давая выхода разумнымъ стремленіямъ народа, глуша всѣ его благія начинанія, въ то же время усердно поддерживаетъ и развиваетъ въ немъ тѣ страсти и дурныя склонности, которые еще въ древности были развиты въ народѣ, приковывая его вниманіе и разжигая воображеніе. „Хлѣба и зрѣлищъ“ — кричалъ нѣкогда въ Римѣ народъ, и ему бросали, какъ собакамъ, разныя подачки и проливали, для его потѣхи, ручьи крови. Тому изъ правителей, кто усерднѣе старался удовлетворить этой страсти къ зрѣлищамъ и устраивалъ ихъ съ большой щедростью, опьяненный народъ прощалъ всю жестокость, всѣ пороки и безумія. И не смотря на совершенный упадокъ нравственности въ народѣ, не смотря на то, что эти зрѣлища страшно обременяли государство, которое отпускало на нихъ баснословныя суммы, правители (напримѣръ, въ Римѣ, въ Византіи, въ Испаніи) всѣми силами поддерживали эту страсть ради достиженія своекорыстныхъ цѣлей, отлично понимая, что только удовлетвореніемъ низменныхъ, животныхъ стремленій и наклонностей толпы и опьяняющими зрѣлищами можно отвлечь мысль народа отъ его бѣдственнаго, рабскаго, унизительнаго положенія, въ которое онъ поставленъ правящимъ классомъ.

Въ результатѣ подобной политики — прямо ужасающая порочность отдельныхъ лицъ и всей массы, неописуемая развращенность, грубость и жестокость нравовъ, пустое самомнѣніе и непомѣрное чванство, грубый эгоизмъ и взаимная ненависть, карьеризмъ, стремленіе присосаться къ казенному или общест-

венному пирогу, погоня за двадцатымъ числомъ, духъ наживы, служеніе „мамонъ“, готовность за деньги, за кусокъ хлѣба на все, самое низкое и недостойное человѣка, почти поголовное пьянство, безстыдная порнографія въ литературѣ и искусствѣ, узаконенный половой развратъ, полигамія, полиандрія и прочія гадости, ставшія дѣломъ обыкновеннымъ, на которое смотрѣть совсѣмъ легко и сквозь пальцы, забывая, что подобная мерзость предъ лицомъ святости Божіей была причиной того, что цѣлия царства, какъ Вавилонъ, Римъ и другія, не смотря на свою обширность и желѣзное могущество, по волѣ Божіей, какъ прахъ, были смытыны съ лица земли.

И вотъ манчжурская авантюра встрихнула стоячее и загнившее болото нашей жизни и вскрыла всѣ наши язвы. На поляхъ далекой Манчжуріи, поляхъ смерти и всякихъ ужасовъ, возстали противъ насъ грозной ратью призраки нашихъ прегрѣшеній и беззаконій, личныхъ, семейныхъ, общественныхъ, государственныхъ, національныхъ, церковныхъ и историческихъ. Не нужно было быть пророкомъ, чтобы заранѣе сказать, что все произойдетъ именно такъ, какъ оно произошло, что эта кровавая эпопея представляеть изъ себя нашу оцѣнку и судъ Божій за всѣ грѣхи и наши темные дѣянія. На р. Ялу, при Цинь-Чжоу, при Вафангоу и далѣе десница Господня неотступно карала насъ; при Ляоянѣ и на Шахѣ Богъ опять, по выраженію пророка, „посѣтилъ жезломъ беззаконія наши и ранами неправды наши“. Затѣмъ, все съ той же роковой неизбѣжностью, пали, объявленныя неприступными, твердыни Портъ-Артура съ его грозной эскадрой, чтобы явилось на нихъ дѣло Божіе — обличеніе всей гнили и гнусности правительственной политики, всѣхъ послѣствій удушливой атмосферы гнета, безправія и насилия. Но ложь все еще кичилась, ложь надувалась, ложь обѣщала побѣждать, не отступая болѣе ни шагу. — И вотъ подъ Мукденомъ разгромлена наша армія, а въ Цусимскомъ проливѣ позорно разстрѣляна, потоплена, а частью безславно взята въ пленъ наша „грозная армада“ — эскадра Рожественского, состоявшая, впрочемъ, наполовину изъ тихоходныхъ береговыхъ броненосцевъ — въ сущности „старыхъ сундуковъ, предназначенныхъ защищать финскую лужу“. Наша послѣдняя надежда рушилась. Система лжи разбита, опозорена и корчится въ судорогахъ послѣдняго издыhanія. Русскій народъ страдалъ, русскіе солдаты все это время получали ударъ за ударомъ и терпѣли пораженія не за себя, а за все зло и неправду нашей жизни, за безнравственную политику правительства. Честь и слава народа не затронуты, потому что честь и слава народа въ трудѣ, въ человѣколюбіи, во всемъ, что улучшаетъ, облагораживаетъ жизнь народовъ, а не въ убийствѣ, не въ насилии и разореніи земли, не въ опустошеніи хлѣбородныхъ полей, не въ разрушеніи городовъ, полныхъ жизни, и не въ защищеніи награбленнаго — отнятой насилиемъ чужой земли. Въ Манчжуріи опозорила себя лишь безсмысленная и гнусная политика авантюристовъ въ мундирахъ, прикрывающихъ именемъ русского народа.

Неужели же эта окончательно развѣянная и на весь міръ опозоренная ложь у себя дома, на Руси, издѣваясь надъ правдой, попрежнему будетъ гордо носить свою безобразную голову? Какого же позора, какихъ пораженій, какихъ уроковъ и какихъ знаменій еще нужно? Неужели же ждать, когда, наконецъ, и „камни возопіютъ“?! Если мы не исправимъ, не устранимъ причины всѣхъ золъ нашей жизни, мы еще много разъ будемъ разбиты, много и еще понесемъ испытаній, можетъ быть, еще худшихъ. Бичъ Божій неотвратимо нависъ надъ нами за грѣхи былыхъ временъ, за вѣковыя пути рабства, ярмо угнетенія,

невыносимаго безправія, обезличуванія и невѣжества, за безславныи и позорныи оковы, наложенные на духъ, совѣсть, живую мысль и живое слово, и породившія сонъ умовъ и гордость темнаго незнанья; за то, что мы привыкли ходить въ потемкахъ и боимся открыто говорить главное, важнѣйшее—правду, большую, могучую, которая, какъ солнце, освѣщала бы тьму и разгоняла ложь; за то, что все мыслящее, живое, сознательное, жизненное, всякая инициатива и свободная дѣятельность, всякое правдивое слово и гражданскій подвигъ не только не поощряются, но прямо преслѣдуются, какъ преступленіе, какъ элементъ вредный, „неблагонадежный“, и, наоборотъ, возвышается, покровительствуется и вмѣняется въ добродѣтель—безбожная лесть, холопство, трусость, раболѣпство и бездарность, все мелкое и низменное; за то, что добро объявляется зломъ и преслѣдуется, а зло не только терпится, но санкционируется и сознательно поощряется;—старообрядцы, напримѣръ, поставть на молитвенномъ домѣ крестъ—символъ христіанства, или соберутся на молитву въ частномъ домѣ—зло, „соблазнъ“, законъ не разрѣшаетъ! И какой тогда подымается переполохъ среди полиціи и смиренныхъ „православныхъ“ батюшкъ! А въ результатѣ такого „воющаго преступленія“ строжайшее административное взысканіе, или судебное преслѣдованіе и достойное возмездіе „по закону“, явно въ данномъ случаѣ, безнравственному и противному Христу. И тотъ же самый законъ санкционируетъ существованіе домовъ терпимости и другихъ учрежденій, разсчитанныхъ на низменные, животные инстинкты; тотъ же самый законъ въ основу государственного бюджета полагаетъ питейный и отчасти табачный доходъ, собираемый путемъ отравленія народа, для чего повсюду усиленно насаждаются казенные винные лавки, даже и тамъ, где ихъ никогда не было, и противъ воли и желанія обывателей, а громкимъ по имени „попечительствамъ о народной трезвости“ воспрещается проповѣдывать трезвость и воздержаніе отъ алкоголя. За то, что духовные представители христіанства въ Россіи за „мзду“ служать низменнымъ цѣлямъ полицейского режима и вмѣсто того, чтобы просвѣщать вѣрующихъ, разрѣшать ихъ сомнѣнія, примирять ихъ между собою, они усердно работаютъ дѣлу порабощенія мысли и гашенія истинныхъ религіозныхъ понятій въ народѣ и, предавая дѣло Божіе, служать сильнымъ міра сего противъ слабыхъ, раздуваютъ вражду между собою, подавая примѣръ соблазна, расшатывая вѣру, вызывая сомнѣнія и многихъ наводя на мысль, да могутъ-ли такие пастыри признаваться истинными носителями завѣтovъ Христа, если своими злоупотребленіями и враждой подаютъ такой худой примѣръ и христіанамъ, въ результате чего суевія въ низшихъ классахъ, лицемѣrie, индифферентизмъ или злобное, ожесточенное невѣріе въ высшихъ. За то, что жизнь народа построена на безнравственныхъ и антихристіанскихъ началахъ эгоизма и всеобщаго разобщенія. Въ области національной политики у насъ возведенъ въ принципъ узкій племенной эгоизмъ и нетерпимость великорусского племени; а въ сферѣ духовной, въ дѣлахъ вѣры, торжествуетъ система гоненій и насилие надъ совѣстью со стороны русской государственной церкви. За то, что правительство за вѣру и религіозныя убѣжденія, за всякое правдивое сужденіе и свободное слово въ области политики сажаетъ въ тюрьмы, заточаетъ въ крѣпость, гноить въ монастырскихъ казематахъ или ссылаетъ въ Сибирь и другія „не столь отдаленные мѣста“. За то, что интересы классовъ обездоленныхъ и уничтоженныхъ, интересы немощныхъ міра сего приносятся въ жертву интересамъ имущихъ и привилегированныхъ. За то, что на крестьянъ смотрятъ исключительно, какъ на водовозную клячу

или дойную корову; все назначение и смысл существования крестьянского сословия сводятъ къ уплатѣ податей и выполненію новинностей, безъ помышленія обѣ ихъ человѣческомъ достоинствѣ, обѣ ихъ правѣ на лучшую жизнь и долю и прочихъ ихъ правахъ, кромѣ права подвергаться наказанію розгой, которое насильно, вопреки общественному мнѣнію и желанію лучшей части русскаго народа, сохраняли за ними до самаго послѣдняго времени.

Вся подобная политика словно стремилась къ тому, чтобы упразднить духовную связь и солидарность въ народѣ, возстановляя, когда это нужно, классъ противъ класса, натравляя племя на племя, религию на религию. Въ этомъ заключается основная причина всѣхъ постигшихъ насъ казней египетскихъ. Чего же другого можетъ ожидать общество, которое представляеть хасъ разрозненныхъ, озлобленныхъ и взаимно враждебныхъ элементовъ, представляющихъ горючій матеріалъ, готовый загорѣться отъ первой искры? Нисколько неудивительно поэтому, что за вѣшними пораженіями и внутри возникъ страшный пожаръ, который съ землей можетъ сравнять наше затрещавшее по всѣмъ швамъ государственное зданіе. Въ видѣ храмины разсыпанной предстала Россія на страшный судъ исторіи. Достаточно вспомнить исторію Ерейскаго, Персидскаго и Македонскаго царствъ, исторію Вавилона и Рима, чтобы понять, что не можетъ быть прочнымъ порядокъ изъ—подъ палки и вѣшнее могущество, основанное на страхѣ, насилии, жестокости и неправдѣ. Ясно, какъ Божій день, что не можетъ пользоваться довѣремъ и претендовать на любовь народа, не можетъ побѣждать правительство опричнины, обособившееся, чуждое и ненавистное своимъ подданнымъ. Что можетъ принести побѣда иностраннымъ и окраинамъ Россіи? Новая угнетенія отъ правительства, сильного и гордаго своими побѣдами. Что можетъ ждать, отъ побѣды коренное великорусское населеніе, которое у себя дома живетъ, какъ въ завоеванной вандалами или бацибузуками странѣ? Что, какъ не новая угнетенія, побѣда иринесетъ старообраѧцамъ и всѣмъ тѣмъ, чья вѣра не укладывается въ рамки казенной ортодоксіи господствующей церкви? Нужно же, иаконецъ, трезво взглянуть на вещи и понять, что побѣда русскаго правительства въ Манчжуріи означаетъ пораженіе русскихъ гражданъ у собя дома, торжество кучки насильниковъ, торжество политики тьмы и угнетенія личности, вѣры и совѣсти.

Чтобы собрать воедино распалающееся тѣло, чтобы сдѣлать его компактной массой сплоченныхъ, солидарныхъ и сильныхъ духовно частей, и прекратить вспыхнувшій по лицу земли Русской пожаръ, нужно сознать основной нашъ историческій грѣхъ и изгнать изъ жизни безбожную ложь и антихристіансскую политику гнета, тьмы, неправды и насилия. Чтобы сдѣлаться для всѣхъ дорогимъ отечествомъ, матерью-родиной, а не страшилищемъ и злой мачехой, русское государство должно показать, что ему одинаково дороги всѣ граждане, что оно признаетъ свободу и безусловную цѣнность за каждой личностью, за каждой религіей и національностью, безъ различія „эллина и іudeя, варвара и скифа, раба и свободнаго“, должно вывести, иаконецъ, вашъ даровитый народъ изъ положенія пасынковъ, которыхъ, лишивши правъ и свободы, лишили тѣмъ самымъ и отечества, и превратить его изъ рабовъ и холоповъ въ гражданъ своего отечества, какъ субъектовъ правъ и обязанностей.

Но невозможно обо всемъ этомъ даже мечтать, пока живо неограниченное самодержавно-бюрократическое правлениe, жива политика безграничнаго административнаго произвола, усмотрѣнія и самовласти, безконтрольнаго распоряженія народными финансами и завоевательныхъ авантюръ. Поэтому пора и

старообрядцамъ, оставивъ политику терпѣливаго ожиданія „милостей“ и старые приемы лицемѣрнаго угодничества и притворной лести, наравнѣ со всеми другими группами русскаго народа, требовать прекращенія войны и немедленнаго созыва учредительнаго собранія на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и закрытаго голосованія, безъ различія вѣроисповѣданія, національности, пола и языка, имущественнаго и образовательнаго ценза, и цеиза осѣдлости, и гарантій безусловной свободы совѣсти и вѣры, свободы слова и печати, передвиженія, собраній, союзовъ и стачекъ, неприкосновенности личности и жилища и амнистії по всемъ политическимъ и религіознымъ дѣламъ. Мы должны бороться, чтобы учредительное собраніе представителей народа, выработавъ закономѣрный правопорядокъ государственного управления, поставило во главу своей дальнѣйшей программы и въ первую же очередь провело тотъ *minimum* политическихъ и экономически-соціальныхъ реформъ, безъ котораго невозможенъ прогрессъ страны и экономической подъемъ трудящагося люда. Къ числу такихъ относятся, кромѣ перечисленныхъ, гарантія равенства всѣхъ передъ закономъ, несмѣняемость судей, равноправіе національностей, языковъ и религій, всеобщее обязательное обученіе на государственный счетъ, широкое мѣстное самоуправление также на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайного голосованія, реформа налоговой системы, уничтоженіе выкупныхъ платежей, введеніе прогрессивнаго подоходнаго налога и налога на наслѣдства, передача земли въ руки тѣхъ, кто ее непосредственно обрабатываетъ, широкое законодательство для охраны интересовъ фабричныхъ и сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, установленіе нормы рабочаго дня въ 8 часовъ, государственное страхованіе на случай болѣзни, старости, инвалидности и безработицы и *minimum*-а заработной платы для всѣхъ сферъ и категорій наемнаго труда.

Кромѣ всего этого мы, старообрядцы, должны добиваться освобожденія, полнаго отдѣленія отъ государства и гарантій свободы церкви на вѣки вѣковъ; независимая отъ правительственной власти, народная церковь, задача которой бесконечное нравственное совершенствованіе личности, церковь, свободная беспристрастно судить обо всемъ съ высоты вѣчной евангельской правды—вотъ нашъ девизъ! Мы ничего не требуемъ отъ государства, кромѣ охраненія личности и вицѣнаго порядка, намъ не нужно никакихъ казенныхъ кредитовъ, субсидированія и помощи государства въ дѣлахъ церковныхъ; въ тоже время мы не согласны связать свободу церкви „какими-либо“ регламентами и обязательствами предъ государствомъ и не допустимъ ни малѣйшаго вліянія или вмѣшательства мірской власти въ дѣла церкви. Чувствуя, сейчасъ мнѣ возразить, что свобода церкви можетъ принести много вреда, чому примѣръ-римско-католическая церковь. Но не нужно забывать, что Христова церковь—не духовенство, одаренное „непогрѣшимостью“ и совмѣщающее духовную и свѣтскую власть, какъ въ католицизмѣ, а весь народъ, свободно избирающій и самое духовенство и пользующійся правомъ широкаго контроля въ церковныхъ дѣлахъ вообще, въ частности, же въ дѣлахъ церковно-общественнаго и хозяйственнаго характера распоряжающійся неограниченno; а духовное управление нашей церкви не монархически-неограниченное, а соборное; поэтому всѣ страхи относительно вреда, который якобы принесетъ свободная церковь обществу, и относительно клерикализма, который она якобы породить, совершенно неосновательны; зло клерикализма тамъ только и возможно, тамъ только и господствуетъ, гдѣ церковь или совсѣмъ несвободна, или принципъ отдѣленія ея отъ государства проведенъ не полно, не до конца, гдѣ она ограничена различными договорами,

„регламентами“, „конкордатами“ и т. д., гдѣ она, представляя изъ себя одну изъ функций государственно-политической жизни и имѣя много точекъ соприкосновенія съ государственнымъ управлениемъ, по необходимости служить постороннимъ и чуждымъ ей цѣлямъ и интересамъ; лишившись политической силы въ видѣ физической и материальной поддержки отъ государства, церковь по самому существу своему, какъ добровольный духовный союзъ свободныхъ людей на началахъ равенства и братства, должна будетъ устраниться отъ активаго вмѣшательства въ политическую жизнь государства, пользуясь однимъ правомъ дѣйствовать своей духовной силой и обаяніемъ, словомъ убѣженія и вліяніемъ на умъ, сердце и совѣсть своихъ членовъ, каковымъ правомъ въ свободномъ государствѣ пользуются всѣ граждане. Эту идею свободной народной церкви и принципъ соборности мы 250 лѣтъ отстаивали цѣнной крови, лишеній и страданій; безъ этого нѣть христіанской церкви, а есть какая-то пародія на нее—прислужница сильныхъ міра, вынужденная благословлять и освящать своимъ авторитетомъ всякое преходящее явленіе, всякое распоряженіе и дѣйствіе власти.

Въ доказательство достаточно привести одинъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ. Въ царствованіе Николая I одинъ изъ главныхъ представителей русской государственной церкви, умный и авторитетный, митрополитъ Московскій Филаретъ оправдывалъ, отъ лица церкви, существованіе крѣпостного права, приводя даже цитаты изъ священнаго писанія; и по какой-то злой и горькой ироніи судьбы того же самого митрополита Филарета при Александрѣ II заставили писать манифестъ 19-го февраля 1861 года о крестьянской „волѣ“. Послѣ этого уже нисколько не удивительно, что „слѣпѣйший“, виновать, „святѣйшій Синодъ“, во всенародномъ посланіи разсказываетъ нелѣпую басню о подкупѣ японцами за 18 миллионовъ рублей руководителей современного освободительного движения русскаго народа, или что духовенство съ церковной каѳедры, отъ лица Бога, натравляетъ простой, темный народъ на инородцевъ и иновѣрцевъ, старобрѣдцевъ, сектантовъ и интеллигенцію.

Кромѣ отдѣленія церкви отъ государства, мы должны еще требовать, чего нѣть почему-то ни въ одной петиціи и резолюціяхъ различныхъ общественныхъ группъ, предъявленныхъ за послѣднее время правительству, полной отмены смертной казни во всѣхъ видахъ судопроизводства, не исключая и военно-полевого и уничтоженіе безсрочной, а также и слишкомъ долговременной каторги и пожизненнаго заключенія, потому что эти пережитки варварства неестественны, безнравственны и несогласны съ Божескимъ закономъ, лишая человѣка возможности раскаяться и искупить свое преступленіе противоположными добрыми дѣлами.

Если только мы хотимъ добиться исполненія всѣхъ перечисленныхъ желаній, то должны не просить униженно, какъ милостыню, а требовать, требовать настойчиво, какъ свое неотъемлемое право человѣка и гражданина, отнятое и попранное. Прошла пора кланяться и унижаться, терпѣть насилие и издѣвательство надъ вѣрой, совѣстью и личностью. Чаша нашего терпѣнія переполнилась. Наша лояльность и вѣра въ правительство убиты и никогда не воскреснутъ. Насъ мучили, гнали, преслѣдовали. Нашихъ братьевъ разогнали по чужимъ странамъ. Надъ нашей святыней ругались; наша вѣра, наши лучшія чувства, исходящія изъ тайниковъ души—наше «святое святыхъ» подвергали насмѣшкамъ, кощунству и публичному издѣватальству при отсутствіи у насъ гражданскихъ правъ и возможности защищаться. Когда братья наши, вслѣд-

ствіе невыносимыхъ гоненій бѣжали за рубежъ, ихъ окрестили измѣнниками отечества, хотя это «отечество» и было для нихъ хуже ада; недаромъ нѣкоторые старообрядцы признали свѣтское и духовное правительство антихристомъ, а все государство антихристовымъ царствомъ. Чтобы дойти до этого, надо было пережить великую трагедію. За нашу вѣру, за то, что мы хотѣли вѣрить свободно, по своей совѣсти, а не по указкѣ и приказанію начальства, насть жгли на кострахъ, вздымали на «дыбу», морили голодомъ въ земляныхъ тюрьмахъ, зарывали живыхъ въ землю, вздергивали на висѣлицу, рубили намъ головы, рѣзали языки, брали съ насть двойной оброкъ, заставляли носить позорное платье, платить налогъ за право ношевія бороды, заставляли до смерти на площадяхъ, ссылали въ каторгу, морили по нѣсколько десятковъ лѣтъ въ монастырскихъ казематахъ (Сузdalскомъ, Соловецкомъ) и тюрьмахъ, мучили по нѣсколько лѣтъ судебной волокитой. Наши священные книги, иконы и св. Дары сожигали; наши тѣла, десятки лѣтъ мирно покоявшіяся въ гробахъ, вырывали и сожигали; наши храмы отнимали или запечатывали; нашу церковную утварь грабили «на законномъ основаніи», наши алтари въ храмахъ Рогожского кладбища въ Москвѣ полвѣка держали запечатанными, сотворивъ «на мѣстѣ святѣ мерзость запустѣнія»; нашихъ пастырей гноили въ тюрьмахъ, подвергали публичному позору, на базарахъ собственоручно обрѣзая имъ волосы и заставляя носить картузъ; нашихъ епископовъ изгоняли изъ епархій, принуждали ихъ дать письменное отреченіе отъ священнаго сана, надѣясь тѣмъ лишить насть священства. Да чего только не вынесло многострадальное старообрядчество за 250 лѣтъ — одинъ Богъ знаетъ!

Когда мы кланялись, валялись во прахѣ предъ правительствомъ, насть называли «врагами отечества», на насть кричали, какъ на презрѣнныхъ холоповъ и попрошаекъ; когда мы просили, насть чуть не въ шею гнали; когда мы плакали, надѣя нами чуть не издѣвались. Много горечи и слезъ оскорблений и кровной обиды накипѣло въ миллионахъ сердецъ старообрядцевъ за 250 лѣтъ. Но нѣть худа безъ добра! — Эти тяжелые уроки не прошли для насть безплодно. Мы съорганизовались, мы поняли, что только въ сознательномъ единеніи — сила, а правительство своимъ отношеніемъ къ намъ показало, что только въ борьбѣ обрѣтемъ мы право свое. Такъ, по выраженію поэта, «тяжкій мѣтъ, дробя стекло, куетъ булатъ». И пусть правительство не сбѣтъ, что искони славившееся своей вѣрностью, преданностью и лояльностью старообрядчество оказалось на одной доскѣ съ оппозиціонными и революціонными теченіями; правительство само повинно въ этомъ, какъ и въ самомъ распространеніи революціи, которая явилась слѣдствіемъ отношенія правительства къ русскому народу.

Довольно же терпѣть и плакать, довольно унижаться и просить! Будемъ требовать и бороться вмѣстѣ съ прочими группами русского народа за свободу нашей отчизны, и мы, несомнѣнно, добьемся возвращенія намъ поправленыхъ человѣческихъ правъ.

Правительство, очевидно, чувствуетъ и понимаетъ это и, боясь народнаго гнѣва и ищенія, начинаетъ понемногу уступать, сдаваться и, безъ всякой просьбы, дѣлать разныя льготы и „милости“ въ видѣ участившихся за послѣднєе время „указовъ, манифестовъ“ и т. под., которые, впрочемъ, послѣдующими дополнительными „циркулярами“, „коммисіями“, различными „совѣщаніями“ и т. д. сводятся почти на нѣть.

Я, конечно, разумѣю обнародованные въ 1904 году манифестъ 11-го августа обѣ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для крестьянъ и сложеніи нѣкоторыхъ недоимокъ, которыхъ, впрочемъ и такъ нѣть никакой возможности собрать, и указъ сенату 12-го декабря о нѣкоторыхъ государственныхъ реформахъ, а также обнародованные въ текущемъ году рескриптъ министру внутреннихъ дѣлъ, о созывѣ „свободно-избранныхъ представителей народа“ для участія въ государственномъ управлении, 18 февраля, и указъ сенату того же числа о правѣ каждого подавать въ совѣтъ министровъ свои петиціи, виды и предположенія о государственныхъ реформахъ, манифестъ 6 апрѣля о сложеніи съ крестьянъ продовольственныхъ недоимокъ, распечатаніе, по личному приказанію царя, алтарей въ храмахъ старообрядческаго Рогожскаго кладбища въ Москвѣ 16 апрѣля и указъ сенату 17 апрѣля о вѣротерпимости.

Все это, конечно, подачки, въ надеждѣ заглушить недовольство и ропотъ въ народѣ, предотвратить взрывы народнаго гнѣва, отсрочить свое паденіе и какъ-нибудь, если представится возможность, прибрать къ рукамъ все современное освободительное движение русскаго народа. Нѣть, на эту удочку теперь уже не поймаешь русскій народъ и въ числѣ его нась, старообрядцевъ; всѣ видятъ, что это только мазанье по губамъ, чтобы выиграть время и никому ничего не дать, или, давши немнога, отнять еще больше. Въ самомъ дѣлѣ, почему это чуть-ли не вчера самые скромные намеки тверскихъ земцевъ о конституціи были объявлены съ высоты трона „безмысленными мечтаніями“, а телеграмма Царю Черниговскаго дворянскаго предводителя, отъ имени дворянъ, о томъ же самомъ была Высочайше признана „нетактичной и дерзкой“, а черезъ нѣсколько времени, въ рескриптѣ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 18-го февраля текущаго года, дано обѣщаніе ввести въ Россіи какую-никакую, но ту же самую конституцію? Почему раньше розга признавалась для мужика необходимой, налоги и недоимки сдирали безжалостно, продавая за нихъ послѣднюю одежонку, скотинку, надворныя постройки и даже сѣни и избы, объявлялось, что все обстоитъ благополучно, что наше государственное устройство образцовое, порядки всѣхъ лучше и даже чуть ли не идеальные, а тутъ вдругъ и розга стала не нужна, и недоимки сложили и коренные реформы объявлены? Почему прежде на многочисленныя ходатайства отпечатать алтари Рогожскаго кладбища всегда отвѣчали отказомъ, заявляя, что это оскорблѣніе православной церкви, что этого никогда не будетъ, даже нынѣ царствующій Государь на прошеніе обѣ этомъ отвѣтилъ категорическимъ отказомъ, и вдругъ—тѣ же самые алтари открыты по Высочайшему повелѣнію? Почему еще недавно старообрядческому архиепискому не дозволяли жить въ Москвѣ подъ предлогомъ невозможности быть двумъ архиереямъ на одной кафедрѣ, что будто бы похоже на двухъ мужей при одной женѣ, почему архиепископа Иоанна, даже по окончаніи срока двухлѣтней высылки, не допустили жить въ Москвѣ и на прошеніе старообрядцевъ о дозволеніи ему возвратиться къ своей паствѣ Государь отвѣтилъ решительнымъ отказомъ, а тутъ вдругъ, безъ всякаго прошенія, ему предложено вернуться и свободно отправлять свои обязанности. Неужели правительство стало добрѣ, гуманнѣе и мягкосердечнѣе, неужели мнѣнія и взгляды его могли перемѣниться въ такое короткое время? Въ наше время наивно было бы думать, что въ исторіи всякое доброе и мало-мальски порядочное дѣло дѣлается изъ личныхъ—альtruистическихъ побужденій правителей, искренно, отъ всего сердца. Нѣть, какъ и всегда, сдѣлать это правительство заставила необходимости, боязнь народнаго мщенія и политические виды! Время, общественное

ми́ніе и упорное пассивное, а иногда и активное сопротивление народа. Всё эти „царскія милости“ объясняются, поэтому, очень просто.—Правительству нежелательно, чтобы и старообрядцы, 250 лѣтъ терпѣвшіе гоненіе и обиды, вынесшіе ужасъ инквизиціи, открыто стали въ ряды его противниковъ и усилили собою кадры разрушителей существующаго образа правленія и порядковъ.

Дѣлая недовольнымъ подачки, правительство заявляетъ, что это проявление его къ народу „довѣрія“, очевидно считая себя въ правѣ оказывать народу „довѣріе“ или „недовѣріе“, хотя непростительно забывая, что оно само-то не болѣе, какъ довѣрѣнныи народъ, свободно избравшаго его, въ лицѣ царя Михаила, въ 1612 году, довѣрившаго ему управление страной и, следовательно, имѣющаго право оказывать правительству довѣріе или недовѣріе и даже порицаніе, какъ это и ведется теперь во всѣхъ почти государствахъ. А то выходить, что довѣренный сталъ больше хозяина, считаетъ себя въ правѣ оказывать хозяину „довѣріе“, держитъ его въ черномъ тѣлѣ, затыкаетъ ему ротъ кулакомъ и чуть не гонитъ изъ своего дома. Да простятъ меня читатели за вульгарное сравненіе, но это такъ!

Высочайше утвержденными положеніями Комитета Министровъ и указомъ 17 апрѣля настоящаго года правительство даетъ старообрядцамъ въ общемъ немногого. До полной свободы совѣсти еще далеко. Прерогативы государственной церкви остаются неприкосновенными; мы остаемся все въ томъ же положеніи „терпимыхъ“, лишь нѣсколькими стѣсненіями стало меньше; правительство не хочетъ даже назвать старообрядческое духовенство его настоящимъ именемъ, а отнимаетъ у насъ очень много, лишая наше духовенство свободы и поставляя его въ зависимость отъ утверждения свѣтской власти. Что это значитъ — мы хорошо знаемъ на примѣрѣ господствующей церкви, которая такимъ путемъ попрабощена правительствомъ со временъ Петра I, въ которой архіереевъ назначаютъ, увольняютъ, муштруютъ и гонять съ мѣста на мѣсто по усмотрѣнію свѣтского чиновника, и которая до сихъ поръ никакъ не можетъ сѣрѣхнуть съ себя ярмо „цезаропапизма“, уничтожающаго въ корнѣ идею свободы и самодѣятельности созданной Христомъ церкви и представляющаго изъ себя, по учению св. церковныхъ учителей, „мерзость запустѣнія“.

Очевидно правительство покушается прибрать къ рукамъ и нашу церковь. Но нѣть! Мы ни на какую внѣшнюю свободу, ни на какую чечевичную ноклебку своего первородства, своей внутренней свободы и свободы церкви не промѣняемъ. Мы сомнѣваемся даже, что при существующемъ порядкѣ правленія даже то, что дано намъ указомъ 17 апрѣля, прочно. Мы, пожалуй, возразить, что это Высочайший указъ, что это законъ, но не нужно забывать, что вѣдь и прежнее наше положеніе было основано на законѣ и Высочайшихъ указахъ. Но кто же не знаетъ, что у насъ нѣть закона, въ смыслѣ извѣстнаго, определеннаго и твердаго правопорядка, который всѣ, какъ правительство, такъ и народъ, уважали бы. Достаточно припомнить немножко исторію, чтобы убедиться въ этомъ. Вѣдь отъ Алексія Михайловича до Екатерины II насъ и жгли на кострахъ и головы намъ рубили и прочія звѣрства надъ нами продѣлывали на основаніи закона и Высочайшихъ узазовъ. Отъ Екатерины II до Николая I насъ не преслѣдовали и даже какъ будто намъ покровительствовали — мы имѣли священниковъ, храмы, колокола, публичное богослуженіе, монастыри и земли при нихъ, тоже на основаніи закона и Высочайшихъ указовъ. При Николаѣ I на насъ были воздвигнуты драконовскія гоненія опять на основаніи закона и Высочайшихъ повелѣній. При Александрѣ II и Александрѣ III гоненія на насъ

были ослаблены опять на основании закона и Высочайшихъ указовъ; при нынѣ царствующемъ императорѣ сначала нась пробовали, на основании того же самаго закона, притѣснять— лишить священства и мизерныхъ правъ, предоставленныхъ закономъ 3 мая 1883 года, а теперь даютъ льготы— признаютъ у нась официальное духовенство, признаютъ официально наши общества и т. д., опять на основании Высочайшаго указа. Ясно, что самодержавное правительство, не считающее нужнымъ считаться съ мнѣніемъ народа, нынѣ даетъ льготы, издаетъ законъ, а завтра, по своему усмотрѣнію, безпрепятственно и безапелляционно можетъ отмѣнить его однимъ почеркомъ пера, и, слѣдовательно, нѣть сомнѣнія въ томъ, что наши „законы“, въ рукахъ царя и всевластныхъ министровъ, „какъ дышло,— куда поверни, туда и вышло“. Тѣмъ болѣе это приложимо къ закону 17 апрѣля, полному недомолвокъ, самыхъ коварныхъ и лукавыхъ, и неясностей, самыхъ двусмысленныхъ, разъяснить и разрѣшить которыхъ предоставлено подлежащимъ вѣдомствамъ, также Высочайше учрежденному 18 мая «особому совѣщанію» подъ предсѣдательствомъ графа А. П. Игнатьева, на которое возложена задача придать ограничительный характеръ новымъ законоположеніямъ о вѣротерпимости съ цѣлью охранить русскую государственную церковь отъ отпаденій въ иновѣрныхъ и инославныхъ исповѣданія и старообрядчество. Очевидно, нашихъ «охранителей» сильно напугали массовые отпаденія въ католичество униатовъ въ Польшѣ, насилие заисанныхъ въ „православіе“, а также въ лютеранство въ Прибалтійскомъ краѣ и даже въ іудейство, магометанство и язычество. Не предаваясь обманчивымъ иллюзіямъ и не закрывая себѣ искусственно глаза, мы должны сознавать, что и сейчасъ мы во власти тѣхъ же самыхъ лицъ, которые до сего времени вдохновляли и руководили русской политикой въ области религіи и культуры, политики полицейского гнета, административного произвола, подавленія всякой иниціативы, жестокаго насилия и репрессалій. Наивно, поэтому, было бы вѣрить, что на Руси возможна какая-то вѣротерпимость и какая-то свобода совѣсти, пока живъ существующій общій строй, жива эта роковая «система», которая создаетъ подобные условия и подобную политику, пока находятся у власти лица, создающія и поддерживающія подобные условия и вдохновляющія подобную политику. Пусть знаютъ тѣ, кто, по близорукости своей, увѣренъ, что актомъ 17 апрѣля старообрядцамъ дано право болѣе, чѣмъ достаточно, что они должны восхищаться такой «царской милостью» и чѣмъ-нибудь увѣковѣчить день 17 апрѣля, кто, въ пылу увлеченія первой минутой, даже сравнивалъ этотъ актъ съ манифестомъ 19 февраля 1861 года о крестьянской «волѣ», что раскрытое совѣсти русского народа не только не совершилось, но еще и не начато, и что оно осуществится лишь съ того момента, когда окончательно падетъ ультра-реакціонная политика и ея руководители, и русскій народъ получить возможность самъ решать свою судьбу. Въ самомъ дѣлѣ, про дѣло съ указомъ 17 апрѣля «объ укрѣplenіи началъ вѣротерпимости» теперь уже можно безъ преувеличенія сказать: *finita la comedia*. Появился онъ въ самый день св. Пасхи, но не успѣли мы дожить до Вознесенія, какъ стало ясно, что эта «вѣротерпимость» и «свобода вѣры» предназначены существовать только на бумагѣ, такъ какъ послѣдовавшая одно за другимъ ограничительные распоряженія и фактическое «проведеніе въ жизнь» этого указа не оставили отъ него камня на камнѣ, а «охранительная» печать, всегда отражающая на себѣ взгляды и настроенія высшей бюрократіи, съ новымъ жаромъ, неистовствомъ и пѣной у рта принялась за обычную травлю иновѣрующихъ. Гдѣ же, скажите, эта «вѣротерпимость», когда не успѣло прой-

ти нѣсколько дней послѣ 17 апрѣля, не успѣли еще высохнуть чернила, которыми былъ написанъ и подписанъ «указъ о свободѣ вѣры», какъ отъ попечителей Московскаго Рогожскаго кладбища администрація послѣшила отобрать подпиську въ томъ, что московскій старообрядческій архіепископъ Іоаннъ не будетъ служить въ распечатанныхъ алтаряхъ храмовъ названаго кладбища. И это въ столицѣ! А въ провинціи преслѣдованіе старообрядцевъ, полицейские набѣги на ихъ дома, обыски и грабежъ практикуются, какъ и прежде, до закона 17 апрѣля.

Не младенцы же мы, въ самомъ дѣлѣ, простодушные, чтобы думать, что свобода совѣсти и права слетять къ намъ, какъ манна, съ неба, или ихъ намъ кто-нибудь подарить изъ великодушія. Должны же мы когда—нибудь понять, что только собственными силами можемъ мы добиться и правъ, и свободы. Жизнь нась не обойдетъ и не обѣлитъ правами лишь въ томъ случаѣ, если встрѣтить въ лицѣ нашемъ живую, сознательную, организованную силу, которая способна не только на нассивное сопротивленіе, но способна внести и свою посильную лепту въ общее дѣло устроенія, способна къ творческой работѣ, въ противномъ случаѣ мы останемся за бортомъ жизни, или даже будемъ совсѣмъ уничтожены, такъ какъ жизнь, въ своемъ историческомъ движеніи, совершающемся по извѣстному опредѣленному и неумолимому закону, все на пути своеемъ ломаетъ и сметаетъ, что дрябло, нежизненно и неспособно на борьбу. Теперь даже и тѣ, кто все еще колебался и вѣрилъ, что и при существующемъ строѣ возможны на Руси свобода совѣсти, слова и печати и экономической и культурный прогрессъ, послѣ того, какъ увидѣли или услышали, какъ правительство тысячами разстрѣливаетъ мирныхъ гражданъ на улицахъ Петербурга изъ ружей и пулеметовъ, за то только, что они мирношли къ царскому дворцу съ петиціей, какъ оно чуть не ежедневно продѣлываетъ тоже самое и въ другихъ городахъ, натравливаетъ темный народъ на всѣ свободолюбивые элементы русского общества, устраиваетъ и поощряетъ погромы и рѣзню между инородцами, уже поняли свое заблужденіе, поняли, что принципъ: „народу — сила мнѣнія, правительству — сила власти, и вся построенная на немъ славянофильская система на практикѣ выѣденного яйца не стоятъ; въ самомъ дѣлѣ, кто же можетъ допустить, и гдѣ гарантія въ томъ, что правительство, пока на его сторонѣ вещественная сила власти, будетъ считаться съ народнымъ мнѣніемъ въ вопросахъ, въ которыхъ оно — заинтересованная сторона, считая, что „не правительство — для народа, а народъ — для правительства?“ Чтобы предполагать это, нужно или совсѣмъ не знать жизни, или быть слишкомъ наивнымъ, близорукимъ и идеалистически настроеннымъ, нужно предположить, что люди, а въ частности правители, вдругъ переродились, сдѣлались идеальными людьми, безъ страстей, пороковъ и недостатковъ. Это особенно стало ясно послѣ того, какъ бюрократія въ лицѣ комитета министровъ, сама публично принеши странѣ покаянную въ беззаконіи, халатнѣмъ отношеніи къ нуждамъ народа, невыносимыхъ притѣсненіяхъ и тягостной опекѣ надъ страной, погребла потомъ всѣ хорошія слова и проекты въ разныхъ комиссіяхъ, совѣщаніяхъ и т. д., никакъ не заботясь о скорѣйшемъ обновленіи и лишь всячески ухищряясь возможно дольше сохранить отжившій режимъ и старые порядки, вопреки ясно выраженному общественному мнѣнію, для чего не брезгуетъ даже такой безразсудной мѣрай, какъ назначеніе диктатуры съ объявленіемъ чуть не на осадномъ положеніи всей Россіи, словно непріятельской страны. Все, что любо бюрократіи, что отвѣчаетъ ея вкусамъ и стремле-

ніамъ, проводится теперь съ изумительной быстротой, но то, чего съ нетерпѣніемъ и счастностью ждетъ народъ, чего громко и открыто требуетъ общественное мнѣніе, откладывается на неопределѣленное время. «Мнѣніе» народа известно правительству уже десятки лѣтъ, а политика все держится упорно своего курса, все больше расходясь съ желаніями страны. Ясно, что не въ возможності благожелательного совѣта со стороны народа нуждается наша бюрократія, что «сила мнѣнія» народа равна нулю, пока правительство пользуется неограниченной «силой власти», и что мнѣніе народа только тогда будетъ дѣйствительной силой, когда мѣсто упраздненной самовластной бюрократіи займетъ суверенное народовластіе, а правительство будетъ лишь слугой народа и подконтрольнымъ исполнителемъ его воли. Это теперь поняли всѣ, кто «имѣеть очи, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать, поняли, что правительство ничего не намѣreno дать народу добровольно, что всѣ эти «коммиссіи», «совѣщанія» и «реформы» не болѣе, какъ карточные домики, которые грядущая революція смететь съ лица земли, и что вся эта дутая вѣротерпимость ни-что иное, какъ мазанье по губамъ съ цѣлью установить новая «въ законѣ не установленныя стѣсненія». Чтобы разрушить подобные коварные планы и намѣренія нашихъ враговъ, намъ старообрядцамъ остается единственно—вѣрное средство—не посыпать своихъ представителей въ совѣщаніе графа А. П. Игнатьева, если они будутъ приглашены, чтобы не участвовавать въ обработкѣ закона, который во всякомъ случаѣ связываетъ нашу свободу и самодѣятельность, а если законъ всетаки будетъ введенъ въ нежелательномъ для насъ видѣ—встрѣтить его, по меньшей мѣрѣ, пассивнымъ сопротивленіемъ, игнорируя его, какъ и известный законъ 1874 года, сила котораго разбилась о наше къ нему отношение.

Въ виду всего этого, не стоитъ разсыпаться въ благодарностяхъ и изливать свои чувства предъ правительствомъ за всѣ подобныя «милости». Это было бы похоже на благодарность человѣку, который, связавъ намъ руки, досыта наплевался намъ въ глаза, а потомъ ослабилъ узы и пересталъ плевать, или на благодарность такому человѣку, который, укравъ у насъ деньги и разграбивъ наше достояніе, потомъ, боясь публичного раскрытия своего преступленія, суда и наказанія по заслугамъ, возвратилъ намъ нашу собственность, лишь бы мы отказались отъ обвиненія и иска къ нему. Такъ не забывайте же, братья, что сила, съ которой правительству пришлось считаться и уступить—наша организованность, солидарность и единеніе, что, идя этимъ путемъ, мы наконецъ добьемся не «милости», а своего неотъемлемаго права на безусловную свободу вѣры, совѣсти и личности. Да будетъ нашимъ лозунгомъ: «Старообрядцы всѣхъ согласій, объединяйтесь на борьбу за право и свободу совѣсти!»

„Молитва.“

Прѣдъ Тобою, мой Г҃зъ,
И затѣпилъ скѣчѣ:
О прощеніи грѣховъ
И молитва хочѣ.

„М о л и т в а“

Прéдъ Тобóю, мой Бéз,
Я затéплил свéчë:
О прощénii грéхóв
Я молýтвá хочу.

Тéбóй Бéжтвеннýй líкъ
На иконë стóй
Всéмъ прощénье сдáйтъ,
И любóвь, и покóй.

Ты страдалъ на крестé,
Пролилъ кровь за людéй;
Нас с Оцемъ примирíлъ,
Крестной смéртью Своей!..

На поно́сномъ крестé
И в терновомъ венце,
Ты Оца умолялъ
За врагóвъ при концé.

Ты и намъ завещалъ
Не роптать на людéй,
Повелéлъ забывать
Шéв ѿбидé Своей.

Прéдъ Тобóю, мой Бéз,
Нинé я предстою,
И с поникшей главой
О прощénii молю.

Изъ нужды-нищеты
Мне исход укажи,
И в несчастье-беде
Ты меня поддержи.

От соблázновъ, грéхóвъ
Отклони, сохрани,
Духа злобы-вражды
От меня отжени.

И людамъ послужить
Дай мне силы, Пворецъ,
Чтобъ спокóйной душой
Встречитьъ жíзни конéцъ...

Прéдъ Побою, мой Богъ,
Я затеплил свечу:
О прощеньи грехов
Я молитвá хочу.

Птвой Божественный лиkъ
На иконе той
Всем прощенье сулитъ,
И любовь, и покой.

Пты страдал на кресте,
Пролил кровь за людей,
Нас с Отцом примирил,
Крестной смертью Своей!..

На поносном кресте
И в терновом венце,
Пты Отца умолял
За врагов при конце.

Пты и нам завещал
Не роптать на людей,
Повелел забывать
Об обиде своей.

Прéдъ Побою, мой Богъ,
Ныне я предстою,
И с поникшей главой
О прощеньи молю.

Из нужды-нищеты
Мне исход укажи,
И в несчастье-беде
Пты меня поддержи.

От соблázновъ, греховъ
Отклони, сохрани,
Духа злобы-вражды
От меня отжени.

И людям послужить
Дай мне силы, Пворецъ,
Чтобъ спокойной душой
Встречитьъ жизни конец...

М ОЛ ИТ' В А

*Пред Тобою, мой Бог,
Я затеплил свечу:
О прощеньи грехов
Я молиться хочу.*

*Твой божественный лик
На иконе той
Всем прощенье сулит,
И любовь, и покой.*

*Ты страдал на кресте,
Пролил кровь за людей,
Нас с Отцом примирил,
Крестной смертью Своей!..*

*На поносном кресте
И в терновом венце,
Ты Отца умолял
За врагов при конце.*

*Ты и нам завещал
Не роптать на людей,
Повелел забывать
Об обиде своей.*

*Пред Тобою, мой Бог,
Ныне я предстою,
И с поникшей главой
О прощеньи молю.*

*Из нужды-нищеты
Мне исход укажи,
И в несчастье-беде
Ты меня поддержи.*

*От соблазнов, грехов
Отклони, сохрани,
Духа злобы-вражды
От меня отжени.*

*И людям послужить
Дай мне силы, Творец,
Чтоб спокойной душой
Встретить жизни конец...*